

Ирина Дудина

Предводитель Маскоронов

МАСКАРОНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Дудина

Предводитель Маскаронов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63019422

SelfPub; 2020

Аннотация

Роман о современном Петербурге, в котором Она живёт в спальном районе, Он- в историческом центре, на Шпалерной. Она – журналист и мать двух детей, он потомок баронов Литопурков, музыкант, разгильдяй, хулиган и алкоголик, «абсолютно свободный человек». Куда заводит человека беспредельная свобода? Что происходит с людьми, городом и страной? Где выход – в ценностях либеральных или консервативных? Повествование происходит на фоне описания бурной богемной жизни. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ 1. ЗЕЛЁНАЯ))))))	4
ПИСЬМА НЕПОНЯТНО КОМУ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	95

ЧАСТЬ 1. ЗЕЛЁНАЯ))))))

Влад, красивый, с гладко выбритым черепом, сказал мне, сидя на моей заплюзганной кухне: «Ты подумай, согласна ли ты стать моей женой или нет. Крепко подумай. Если скажешь «да»— то это будет навсегда. Я – собственник. Моя женщина должна быть только моей и ничьей больше... Если ты мне изменишь, я выколю тебе ножом глаза оба глаза выколю, ты поняла?». Он махнул перед глазами по особому сжатой рукой, показывая, как это делает. Я захихикала: «Может, один глаз мне всё ж оставишь, а?». Он сказал: «Неа. Женщине, которая мне изменит, глаза не нужны».

Я подумала, что мне это страшно нравится. Это так концептуально!

Он ушёл, а я взвешивала долго – что ему ответить.

–Я не люблю тебя, Владик, и ты меня не любишь. Мы друг друга почти не знаем. Я видела-то тебя всего три раза. И к чему такие экстремальные обещания? Нежелание делить меня с другим с самцом – не это ли главное, а? А, может это желание на монопольное потребление самки – это типа страх перед СПИДом? Ты просто напросто так трясешься за свою жизнь? – сказала я ему, когда он пришёл через день.

–Нет, мне по фигу. Не поэтому.

–Зачем я нужна тебе? У меня двое детей. Я нищая, старая и страшная. К тому же у меня нет отдельного жилья; скоро

приедет бабка с дачи, и всем нам будет труба.

Влад присосался к дырке в банке пива «Охота», ответа я не услышала, вместо него- засасывающие звуки рта.

–Ты свободный мужик и мог бы найти себе помоложе, без детей и с отдельной квартирой. Может быть, даже богатую. Она бы тебя содержала... Ты же не фига работать не любишь, тебе хочется писать музыку...

Я смотрела на него вопросительно, мне правда был неприятен его выбор.

–Ты спрашиваешь, зачем ты мне? Я вычислил тебя, я просто тебя вычислил. Считай, что это брак по расчёту.

–С обеих сторон, что ли?

«А с моей стороны, на хрен ты мне сдался – нищий алкоголик, без своих квадратных метров, к тому же без российского гражданства. Гражданин мира – ха-ха-ха!». Так подумала я, но вслух не произнесла. Из вежливости.

Он насупил свои абдулаевские брови, гладкий выбритый его череп при этом не наморщился. Мне ужасно захотелось потрогать его лысину. Я протянула руку, трогая его колючий пух, он перехватил меня снизу.

–Не пора ли нам сударыня перейти к совокуплению?

«Вот это темпы! И всё от застенчивости!», – удивилась я.

(((((

Влад быстро разделся. Он был потрясающим. Бледный, как могильный червь, ужасно худой; на его длинном скелете

почти не было мышц, ручки тооненькие, ножки тооненькие, но всё удивительно мощное. Конструктивизм. Несущая основа человеческого тела без декоративных украшений. Мне его совсем не хотелось. К тому же от него ужасно воняло спиртом, каким-то особым искусственным этиловым спиртом, который добавляют в отечественное пиво. От потрясения его неземной, а какой-то инопланетянской, технократической красотой, я впала в смущение. Я не могла ему в глаза смотреть. Он приказал мне раздеться. Я знала, что вряд порадую его своими материнскими останками. Он не разрешил выключить светильник на прищепке, который свисал с дверцы книжного шкафа, и я великолепно видела, как жадно он смотрел мне в глаза. Я вращала глазами в разные стороны, особенно мне нравилось рассматривать его бритый череп, но только не в глаза. Я умирала от застенчивости. «К совокуплению пригодна», – пробормотал Влад, ощупывая мою белую ляжку. С потенцией у него всё было в порядке, значит он не наркоман, – поняла я. Но чего надо этому алкоголику от меня, ведь он же водку будет хотеть всё равно сильнее. Унизительно соперничать с бутылкой. Владик трахал меня, и в тощем его желудке булькало одиннадцать баночек пива «Охота», которые он выпил перед приходом ко мне. Когда я засыпала, то слышала его злобный шёпот: «Чёрт, не получил никакого удовольствия». «Я тоже, – думала я во сне. – Какой-то чужой незнакомый мужик зачем то влез ко мне в постель, зачем то трахал меня. Как всё просто! Сказать, что

хочешь жениться – и вот уж делай что хошь... Да, у меня никого нет уже год. Всё внутри меня умерло. Ну и пусть умирает. Ты, Влад, не тот герой, что способен меня пробудить». Когда я спала, мне показалось, что он блюёт в ванной.

((((((((

Владик исчез, да и пошёл на хрен. Появился через месяц, страшный, красноглазый, и на ухе у него выросли две гадкие папилломы. Он был похож на породистого бультерьера, на котором есть какие-то врождённые бородавки, говорящие о его собачьем аристократизме. Он вошёл, покачиваясь, я попыталась его выставить за дверь, но потом подумала: «А чего! Прикольный такой. Я же писательница, а не обывательница. Пусть расскажет что-нибудь. По речам – вполне адекватный, хотя видок у него – ужас!!!».

Влад опять был безумно красив. В ярких синющих джинсах, в красной байковой кофте, белоснежных маленьких кроссовках. За спиной у него был рюкзак, в нём был профессиональный строительный инструмент: пилы какие-то, шуруповёрты, свёрла всякие. Лысый череп сиял как солнце, отбрасывая блики на стены. Строитель Сольнесс пришёл к нам!

–Сударыня! Не нужно ли вам что-нибудь распилить? Или шурупы вернуть?

–Ты откуда такой красивый, и что это у тебя в котомке?

–Меня отстранили от работы по причине моего непра-

вильного состояния. Это возмутительно! Неужели я пьян, скажите, сударыня! Раз я стою на ногах и могу передвигаться, значит, я могу работать. Вот, смотрите!

Влад стал как аист задирать свою огромную ногу в моём маленьком кукольном коридоре, как бы из сказки Незнайка в цветочном городе, мы с сыном с ужасом смотрели, что из этого выйдет... Всё было странно нормально. Влад зажмурил глазки, стоял на одной ноге и довольно точно, без дрожания рук, хватал себя за кончик носа.

—А они говорят – пьян! Да, нетрезв, но это не значит, что не могу приступать к выполнению своих обязанностей.

—Владик, а можешь своей хренотенью всобачить пару шурупов в Митькин секретер, а то он весь расползается?

—Безусловно могу. Легко!

Влад швырнул на пол свой шикарный инструмент, воткнул в сеть провод шуруповёрта, и удивительно точно и метко вонзил своим страшным орудием несколько шурупов куда надо. Потом достал циркулярную пилу и сделал пропил в моей хрущовской стене. Я заорала на него, и он не пропилил стену насквозь. Я залепила щель скотчем, чтобы в ней не могла завестись какая-нибудь жизнь. После проделанной работы он откупорил очередную баночку пива «Охота», хотел сесть на диван, но промахнулся, шлёпнулся задницей на пол, из пивной дырки на пол вытекла вонючая пивная жижа. Я с омерзением смотрела на это большое животное, колеблющееся на моём полу.

К ночи он вышел на улицу и вернулся с двумя огромными пакетами, набитыми чудовищной какой-то жратвой. Влад пошёл за мясом, но мяса в ночных магазинах не было. Влад парил на сковороде несколько пакетов замороженных овощей, потом всё это залил кетчупом и съел. «Ага, пожарать любит, значит не совсем конченный алкоголик!», -

подумала я с лёгким воодушевлением.

Мы сидели на кухне, и я опять расспрашивала, чего ему от меня надо.

—Мы с вами, сударыня, старпёры. Мне тридцать девять лет, у меня в бороде полно седых волос.

Я это давно заметила. Когда он не был свежевыбрит, на голове и на бороде у него пробивался жёсткий проволоочный волос, на голове — молодой и сивый, на бороде — с вкраплением белоснежного.

—Я хочу пожить стабильной бургерской жизнью. У меня было две жены, сыну моему пятнадцать лет, он живёт в Англии. Я свободный человек, много зарабатываю, но все деньги куда-то чудовищно исчезают. Я хочу на старости лет семьи. Сколько вам надо в месяц на проживание?

—Ну, мы втроём живём на 300 баксов.

—Вам хватит 1000 баксов в месяц моей зарплаты?

—О, это великолепно!

—Я так не считаю. За последний год я куда-то потратил 18 тысяч баксов. Сам не знаю на что...

—Пропил, наверное? — заметила я не без проницательно-

сти.

–Такую сумму пропить невозможно. По определению. Это нереально.

Я слушала его бред и тихо его ненавидела. Алкоголик. Урод хвастливый. Самоутверждается сам перед собой, оперируя языком с большими суммами денег.

–Более того, я считаю, что я – бедный. Мне не хватает этих денег.

–Все мои знакомые, почти все, живут на гораздо меньшую зарплату. И мужчины, и женщины. Такая среда, с университетским образованием много не заработать. Как писал Но-страдамус в своих «Центуриях», настанут такие времена, когда люди науки и знаний будут жить в нищете и позоре. Вроде как они и настали. А кто имеет 1000 долларов в месяц- то эти люди живут очень неплохо. Имеют машину, дачу, летом ездят в Болгарию или Испанию. На 1000 баксов можно очень неплохо жить. Улучшить жильё, если экономить деньги...

–Я этого не понимаю. Мне одному этого не хватает ни на что...

(((((((((((

Постель нас примирила. Владик протрезвел в ночи и был великолепен. Он превратился в буддийскую лодочку, я плавала на ней. Влад поймал какую-то классную программу, свою любимую ди-джейскую музыку, которую он сам мечтал писать, когда купит хороший компьютер. Про Влада говори-

ли, что он сделал диск, его купили в Израиле, и дальнейшая судьба его неизвестна. Он хотел опять писать мёртвую электронную музыку, в которой убито всё живое. «Побольше, побольше мертвечины- чем более искусственное звучание, тем лучше», – говорил он. Я с ним соглашалась. Под синтетическую музыку ужасно было приятно трахаться. В глаза я ему не могла смотреть. Глаза у него были живые, добрые. Он был ужасно слабый и трусливый, несмотря на свой рост и сумасшедшие поступки. Он был слишком деликатен и осторожен со мной, всё время ждал руководства с моей стороны. Терпеть не могу таких нежных мужиков в постели. Маменькин сыночек... Он лизал мои грудки, налившиеся от похоти как дыньки сорта «торпеда», мы превратились с ним в круг сансары. Под утро я засыпала, прижавшись к его теплу, и мне было спокойно в эти мгновения. В эти мгновения я не думала, что не хочу жить.

(((((

«Владик, а чем вы по жизни занимаетесь? Таланты у вас есть какие-нибудь?», – так я спрашивала Владика, когда первый раз его увидела, красавчика охренительного лысого. «Я, сударыня, музыку сочиняю. Ещё я танцевать люблю!». «И где вы сударь танцуете? В каких таких местах?». «Я обычно в клубах танцую. Как начну танцевать, так мне не остановиться. Танцую я так, что меня охранники выводят из клуба!». «За что?». «Они говорят, что я танцую неприлично! Выве-

дут из клуба, а я продолжаю танцевать прямо на улице, и они на улице с ума сходят». «А можете показать мне, как вы так неприлично танцуете? Очень хотелось бы увидеть!». «Нет проблем!». Тут Владик стал так танцевать, с такой агрессией извиваться, высоко подпрыгивать, задирать ноги, изгибая их в коленях, будто это великий рок-музыкант танцует, или это сам Сатана танцует. Я залюбовалась. К тому же Владик был одет в удивительнейшую одежду. В эковский фланелевый халат кофейно-молочного цвета, в коричневую клеточку, с номером на сердце. Это был халат, который Владик спёр в театре, где шла постановка про ГУЛАГ. Там работал какой-то друг Владика, и вот какой-то лишний сценический костюм Владiku перепал. Очень стильная вещица. Владик в этом халате был аки тать. Пляшет, полы развеваются! Хотя танцевать Владiku было трудно – в коридоре метр шириной и два длиной. Я бы на месте охранников тоже бы с ума сошла... «Владик, вам надо плясать так за деньги на дискотеках перед многотысячной толпой. Или в кино сниматься». Владик посмотрел на меня каким-то кротким, коротким взором, который я не поняла.

((((((((

–А дети? Какой из тебя Влад отец? Ты же сам как дитя.

–С детьми я нашёл общий язык. Юра твой – уже взрослый дядька, а с дядькой Митькой мы будем приятели.

В углу за холодильником стояла красная пластиковая пал-

ка. Это была ручка от соседской швабры. Когда Владик пришёл ко мне первый раз полгода назад, он стал гавкать на детей, шипеть на Китса, а эту палку прогрыз в двадцати местах. Это была крепкая, как ствол, палка. Владик скорчил ужасную морду, оскалил никотиновые свои, но крепкие зубы, и всю палку искусал за минуту, от чего она превратилась в безвольную тряпку, типа измочаленного тростника. Дети орали и гавкали на него, он на них. Митя со слезами на глазах пытался ударить Владика побольнее, норовил даже по яйцам. «Я этого дядьку Владика забью. Приёмчиками», – говорил он, пытаясь завалить огромного Владика на снег.

((((((((((((

–А где мы будем жить? У тебя – коммуналка, куда влезает токмо диван. У меня ещё хуже – на 30 квадратных метрах четыре человека плюс гадкий, орущий по ночам тревожный кот. Не говорю уже о своей матушке, которая ни одному мужику на этой территории жить не позволит. Ты не представляешь, скольких она уже отсюда выжала.

–Можно снимать. При 1000 баксов отдавать одну сотню – это реально.

–А, кстати, не подкинешь ли ты мне немного бабосов. У меня они кончаются, а Юрка подросток, его надо мясом кормить.

–Нет, это исключено. Барабульки будут через месяц. До 5 августа – ни копейки не предвидится.

–Но ты же на что-то живёшь. Где твоя хваленая 1000 баксов? Ты же каждый день пьян, приносишь пиво. Принёс бы лучше в дом мяса. Чая, кофе хорошего. Я же тебя по утрам пою и немного кормлю, перед твоим уходом на работу. Это неправильно.

–Если я буду давать тебе деньги, то получится, что я покупаю твою любовь. Нет, это неправильно.

–А если я тебя пою утром кофе – я что, тоже покупаю твою любовь, выходит, за чашечку говняного нескафе? Ну и дешёвый же ты, парень.

–Это другое.

Жадная, жаднящая скотина!

(((((((((((

На следующий день у Влада на руке был гипс. Он пьяный шёл домой, и во тьме споткнулся об недоложенную плитку на своей улице. Гастарбайтеры всё расковыряли к юбилею, изображая освоение денег, а после июня работы все забросили, всё так и валялось расковыренное. Ночью Влад держал свою лапку на весу. Когда я её нечаянно задевала, он стонал. Ему было больно. Он не вызывал у меня жалости. Я знаю такую породу людей. Они вечно имеют какие-то травмы. Любят ходить в бинтах. Чтобы их все жалели. Травма – это призыв о помощи и любви. Детская истерия. Ах, маменька, вы на меня не обращаете должного внимания, так вот вам – я умру, покалечусь, буду весь-весь в бинтах, злая маменька!

Пронзить жирное маменькино сердце навывлет. Почувствовать, что кто-то плачет по тебе и страдает. Дешёвый способ проникнуть в сознание другого.

—У тебя, пожалуй, патологическая связь с матерью. Она тебя затискала до смерти своей любовью. Твоя Мегера Фёдоровна, как ты её зовёшь, тебя, такого лба огромного, обстирывает. Готовит тебе еду, привозит в приятных мисочках, моет посуду. Прислуга. Она тебе показывает, что ты без неё жить не сможешь...

—Нее, всё не так. Я же жил без неё.

—Ну, так, а сейчас чего пользуешься её обслугой, чего не имеешь свой суверенный дом? С твоей зарплатой ты мог бы купить себе что-нибудь.

—Стимула нет. Вот поэтому я и хочу жениться. Ты будешь моей невестой, скажи? Да, это мучительно и ужасно — быть моей невестой. Я собственник. Что моё, то никому и никогда уже принадлежать не будет.

—А как же твои первые две жены? А? — ехидно спрашиваю я его.

—Первая — блядь и проститутка. Она в Англии, кажется, работает в борделе. Хотя уже вряд ли. Старая уже. А вторая — в тюрьме сидит. Она весила сто килограмм, здоровая была баба. Потом её мой друг посадил на наркоту. Она, такая огромная, за год превратилась в скелет. Я её встретил и даже не узнал. А потом жадность и наркотики её погубили. Тот мужик умер у неё в ванне от передоза. Она думала, что у

него деньги или наркотики в одежде, скрыла факт смерти, пыталась расчленить труп. Ишь чего учинить вздумала... Но это всё под наркотой... Теперь в тюрьме.

Я от омерзения закрываю глаза. Быть подружкой этого типа после жирной стокилограммовой наркоманки. Нет, это уж слишком, это уж слишком... Какая страшная, унижительная жизнь у меня. Какая страшная.

(((((((((((

К тому же я жаворонок, а он сова. К 12 ночи я немею, соловею, я ничего не соображаю. У него пик активности. Я стремлюсь к одному – заползти на диван и чуть-чуть, свернувшись в круг, покемарить. Влад во всю включает телевизор, или ставит сидишки на магнитолу. Он мучает мой старенький компик, он пытается заставить работать его винамп. Винамп тронутый какой-то у меня всегда был. Он сам по себе вдруг начинает петь. Или выдаёт посекундную нарубку трэков. Владик мучает и мучает с непостижимым упорством мой винамп, но заставить его работать за всё лето ему так и не удаётся. Потом у меня ломается Интернет- ломаются старые ломкие провода внутри пластиковой оболочки. Влад настырно приваривает проводки при помощи сварки, потом отдирает всю красоту от фирменной телефонной розетки с двумя выходами, как-то перекрещивает проводки. Интернет Влад добил. Заработало. Хотя на стене теперь торчат какие-то оголённые и изоляцией замотанные проволо-

ные узлы и усики.

Когда я на диване совсем зарубаюсь, Влад выходит из ванной, и начинает меня, полумёртвую, тормошить. Я то ли сплю, то ли нет, я ничего не понимаю, что он мне говорит, но точно мы трахаемся. Когда первый золотой луч солнца покрывает розовым светом ствол берёзы перед окном, я чувствую необычайный прилив энергии. Мне хочется верещать. Мой мозг необычайно свеж. Я щебечу, щебечу, как птичка. Хихикаю сама с собой, как дурочка. Пристаю к Владу, но вместо ответа слышу храп. Влад с появлением первого луча вдруг внезапно сворачивается, обмякает. Он впадает в сон, который трудно прогнать. 5 утра. Жизнерадостно пиликающее существо над замершим лысым ящером с сомкнутыми намертво веками.

В 6 утра мобильник Влада начинает верещать. Страшным голосом, как сумасшедшая злая фитюлька. Потом он переходит на подпрыгивания и что-то типа ударов по медному тазу. Мобильник вскакивает на попа, бежит по столу и падает с него, но и лёжа продолжает дерзко будить спящих. Орёт, улюлюкает всё громче и громче. Всё по барабану. Влад мёртв. Мобильник вопит уже как совсем съехавший с колёс, смешно и даже пугающе подпрыгивает. Я должна растолкать Влада, чтобы в 8 он ушёл от меня на работу. Я несу ему бутерброды с сыром и крепкое пойло нескафе. Типа на стакан кипятка четыре столовых ложки черноты с могильным запахом (нескафе почему то отдаёт трупным затхлым за-

пашком часто). Влад лежит трупом и звонко храпит. Но всё же каким-то усилием воли он приподымает свои голубиные веки, лёжа пьёт свою бадью кофею, долго плещется в ванной, ящеры же земноводные, они любят воду, потом чистый и ослепительно красивый лысый Влад одевает трусики, комбинезон с лямками на вылинявшую зелёную рубашечку, и идёт таки на работу....

((((((((

За окном опять что-то пилят. Звук пилы отвратителен, как звук зубопилительной машины. Басистый гадкий звук убийц деревьев. Пилят не что-то, а кого-то – хорошее живое существо от 40 до 50 лет. Пилят ровесники ровесников. Пилят из службы озеленителей. Когда едет машина озеленителей- специальная такая космическая техника для единовременной пилки, ухватки, распилки и увозки готового древесного трупа куда-то, не знаю куда, я подпрыгиваю, как ужаленная в сердце. Тем более, что выпиливают бездушно, выпиливают отличные деревья, а мёртвые деревья оставляют. Значит, тут коррупция, тут они бабло какое-то делают, древесину на дрова дачникам продают, что ли, или «план» выполняют, и профессионалов у них нет, раз они живое от мёртвого не отличают. Однажды я набросилась на пыльщика и долго на него орала, что он лишает кислорода себя, своих детей и весь двор, лишает всех нас натурального очистителя воздуха от пыли и газов, лишает пташек малых гнёздышек,

лишает осенью нас красоты золотых листьев, а зимой- красоты изящных линий ветвей, и что неужели ему много платят за его иудство. Мужик смотрел на меня как на чокнутую болонку, сказал грустно и стыдливо, что платят мало. «Ну так а чего ты чёрту прислуживаешь за малую копейку»,— орала я, чувствуя, что ещё пара минут, и меня в дурку отправят.

((((((((

Я люблю деревья. Больше всего я люблю старые, большие деревья. Я понимаю, что зря живу в городе, что я друид какой-то, что при моей любви ко всему натуральному и природному, при любви к Флоре прекрасной, мне надо жить в деревне. Но это абстрактное размышление. Я работаю журналистом в гламурном издании, профессии никакой у меня нет, кроме как умения делать хорошие интервью со всякими звёздами из мира культуры. Я не знаю, как могла бы я зарабатывать на жизнь в деревне, как могла бы я бороться каждый день за выживание, топить печь, выходить в сарай на ледяной нужник, как носить воду в дом и как мыть посуду, как расчищать от снега дорогу, как топать в чунях по раскисшей земле, как выливать воду из дождевых переполненных бочек, как трястись от векового природного ужаса по ночам. Как жить, не видя новых людей ежедневно и не получая подстёгивания от живого мыслящего биопланктона вокруг... Все эти бытовые детали мне знакомы, я вряд ли способна жить постоянно в единении с природой.

В городе жить намного легче. Вода льётся из крана, горячая и холодная вода, дерьмо уплывает не знаю куда, можно не озадачиваться, зимой, долгой осенью, долгой весной в квартире тепло. Очень тепло, можно ходить в футболке, это великая ценность- это дармовое, непонятно откуда постоянно идущее тепло по батареям. Электричество- ещё один бонус, колоссальный бонус. Ноутбук есть куда воткнуть в розетку, плюс телефония постоянная, дешёвая Интернет-связь. Удивительный доступный комфорт. Самые необходимые условия для существования есть, это убогая бедность, но уже не нищета и не бездомность. Но есть ещё одно «но»- это воздух, это деревья...

Мне повезло. Хрущёвка вся окружена деревьями. Хрущёвки тут были построены на пустырях в 60-е, им уже скоро будет по 50 лет. Тогда же люди, получившие отдельные квартирки со всеми удобствами, выбравшиеся из жутких перенаселённых коммуналочек, первым делом стали сажать деревья на пустырях вокруг домов. Кто-то посадил яблоню себе под окна, кто-то рябину, кто-то лиственницу, кто-то берёзу и ясень. Тополя, тополя, наверное, тоже сажали.

Я помню вертушку своего детства. Это был такой красно-коричневый чемоданчик из хорошей крепкой пластмассы- формальдегида, букочки были стильными, жёлто-белыми, нарисованными футуристическим почерком, намекавшим на скорость, на свободу, на полёт в будущее. Чемоданчик открывался, подключался к сети, в нём крутились пла-

стинки. Пластинки были сначала чёрные, тяжёлые, потом стали появляться гибкие, голубые, красные, белые. На одной из пластинок мужчина приятным голосом пел «Тополя, тополя». На другой пластинке женщина пела про «Клён стучит в окно». Это было такое деревенско-городское пение, пение жителей окраин городов, которые ещё помнили своё деревенское детство, в деревню к родителям часто ездили, и там их ждала игра на баяне и гармошке, а в городе их ждало пение под гитару, и вот рождались такие модные песни, задушевные, уже не глубинно посконно русско-народные, но и не разнузданно-городские, милые песни. Они мне жутко не нравились. Они вводили меня в одурь и ступор, от них хотелось спать и зевать, становилось скучно и бессмысленно, навозно.... Правда, был и уют, были остатки скучноватой природы, которые стучались в окно. Таким же ступором и зевотой веяло от пения Зыкиной. Ещё хуже были совсем городские песни, песни Толкуновой, Сенчиной, Хиля. Как будто лежишь в уютненькой тошнотворной пыли среди скучнейших харь. От них совсем становилось тошно. Я думаю, от этих песен советские мужчины того времени спивались. Без водки такое слушать нельзя. Это было как суета сует, как быстрая мать земля, когда токмо родился, не успел очухаться, а уже состарился и в землю пора...

Но тогда, в те годы, когда я топала новорожденными ножками по 11 комнатной коммунальной квартире без ванны и горячей воды, тут, вокруг хрущовок, счастливые обладатели

отдельных квартир сажали свои саженцы.

Мне досталась хрущовка уже пооблезлая, в зарослях зрелых деревьев. Я была очарована. Птички пели, всё утопало в зелени. Что утопали в зелени страшные длинные коробки, уложенные лестницей, рядками, в линию – так на это было наплевать. Квартира выходила окнами на две стороны. Окон было много. Лифта не было, опора была на мускульные силы ног. После жизни в 13-этажном доме, полностью зависящем от электроэнергии, которую всё время отключали, это был шаг вперёд. В 13-этажном доме вода еле поступала в ванне, мыться приходилось под тонкой струйкой. Иногда вообще всю воду отключали – и горячую, и холодную на пару дней. Приходилось с вёдрами ходить в соседние дома. Иногда отключали электричество – плиты были у всех электрические, чая не согреть, приходилось питаться бутербродами и лимонадом. Лифт отключался в эти дни тоже, иногда это совпадало с отключением воды, и тогда приходилось на 13-ый этаж нести в руках вёдра с холодной водой, натываясь на узкой, нерабочей лестнице со стариками, ползущими наверх со своими костылями, с женщинами, волокущими титанически на себе коляски с детьми, вес очень немалый. Тринадцатизэтажный дом сотрясали полёты самолётов, по ночам казалось, что самолёт сейчас снесёт плоскую крышу, иногда снились соответствующие сны. Внизу простиралось оживлённое шоссе, громкое, почти неумолкаемое, над шоссе стоял серый смог. Здесь всё было не так. Тишина, зелень в окнах, птички,

свежие ароматы ветвей и листьев. Берёза под окном качала своим стволом с глянцевой серой кожей, она то пела от ветра, то тихо трепетала, на неё взбирались всякие пернатые твари и смотрели на меня своими глазками. Противоположный мерзкий дом-барак со своими квадратиками окон летом было не видно – листва устраивала хорошую бархатную занавесь. Зимой стена цвета больного тела лезла в очи. В очи лезла жизнь обывателей из соседнего дома. То баба жирная высывалась и трясла половичок в окно, то парень мускулистый с голым торсом крутился, то старик кряхтел на постели возле окна. Гадкие шторы, дешёвые, отставшие от жизни, или вообще газетами окно прикрыто.

Гадость. И эти стены шелушащиеся больные со швами расползающимися. Ремонты делали, но гладкость штукатурки исчезала через год. Непонятно, чем таким некачественным красили стены, и почему такой цвет набадывали. То ли он самый дешёвый был, то ли ещё что. То ли это было отражение больной депрессивной психики маляров, или там районного архитектора, который утверждал план раскраски домов. А ведь в домах было полно художников от 5 до 75 лет, штук по 5 в доме минимум, и любой из них мог бы нарисовать что-нибудь, создать красивую гамму цветов. За небольшую зарплату художник придумал бы очаровательную гамму цветов, или даже даром бы придумал бы. Но всем художникам эта сраная жизнь приказала быть связанными по рукам и ногам, с кляпом во рту и повязкой на глазах. Худож-

ники и те, что по жизни художники, и профессиональные художники, работавшие художниками на заводах, фарфоровом комбинате, в журнале или просто члены союза художников – они имели право быть художниками в узких рамках своих комнат, ближайшую среду обитания они преобразовывать не имели право. Среду обитания имел право раскрашивать в цвет больного дождевого червя, нажравшегося синего навоза, некий СанСаныч, какой-нибудь хрен из райсовета или жилконторы, ибо и сам он и был таким вот червём, и глаза имел червивые, антиэстетические.

Природа примиряла меня с действительностью, выпуская повсюду свои ветки и палки, шатры и занавеси живые.

Мне казалось, что все вокруг мыслят и чувствуют как я, что всем противен СанСаныч с его червивой эстетикой, что все сдерживают рвотный рефлекс, пробегая по лестнице, крашенной в зелёный цвет плохого солдата, что у всех тлеет внутри желание расцветить эту гадость, покрыть стены домов снаружи лепниной или картинами, внутри- фресками и яркими сочными цветами, например, рамы окон покрасить в бирюзовый цвет, двери- в красный, стены- в коричневый, да мало ли есть способов украсить реальность и сделать её жизнерадостной. Ведь художник встаёт утром, и ему так хочется рисовать, как вот птице петь, а рисовать негде и не на чем, и надо, почему-то, жить в уродстве убогом блевотном.

Потом оказалось, что таких, как я, мало....

(((((

У нас во дворе опять трупак. За последние три года – три трупа на небольшом пространстве. Два было в нашем замечательном подвале. Третий вот у соседнего дома раскинулся, метров сто от парадной. Это блин не город, это джунгли дикие. Между хрущёвками снуют стайки заморышей мужского и женского полу, они вечно матерятся и пьют дешёвое вонючее пиво, они одеты в чёрные куртки, они вечно в истерическом припадке. Может, у них истерика на почве безработности, охоты пить «охоту» и от готовности ради охоты пускаться во все тяжкие. Это как угольки какие-то. Наркота продаётся у нас всюду хачиками средних лет. Наша лестница вся измазана кровью наркоманов. Звонить в ментовку бесполезно, говорят, сам участковый повязан с наркодельцами. Идёшь домой, перешагиваешь через сидящую на ступенях деваху с расставленными ногами. Говоришь ей: «Девушка, милая, вам плохо? Почему вы не учитесь и не работаете? Вы же тут не живёте, зачем вы у нас сидите целыми днями на ступеньках? Не хотите ли пойти отсюда вон, подальше куда? Поработать над собой? Нет, не хотите и не можете? Бедная ваша мать!». Гадость и ужас. У киндеров отбирают мобильники, ночных мужичков просто мочат.

Мужика убили позавчера ночью; он пролежал день, ночь, и опять лежит под голубым полиэтиленом. Народ выходит из парадной 12-этажки, и идёт прямо мимо этой душераздирающей кучи полиэтилена. Даже дохлую кошку бы быстрее

убрали. Это видно в назидание что ли, чтобы не убивали, или чтобы не бродили по ночам? Менты приезжали, вели себя как в сериалах: снимали отпечатки, рассматривали голое белое пузо солидного трупа. Кошмар! Человек как дерьмо и при жизни и при смерти.

Мы живём в новой дикости. Выживают самые шустрые и снующие, проныривающие в щёлку норм. Мелкие ядовитые хыщники, занимающиеся людоебством и каннибальством, подлежат уничтожению. Двух плюгавых пацанов, промышляющих у английской школы, я как-то пристально наблюдала в 1 час дня. Они выслеживали у подвала несмышлёнышей. Вид у них был как у охотников. Я сказала крепкому дедку, ожидавшему у школы внука: «Давайте к этим уродам подойдём и пугнём их!». Он засмутился: «А вдруг они просто так, мы оскорбим невинных юношей!». Тьфу. Я одна подошла и грозно стала смотреть им в глаза. Им это не понравилось, и они исчезли. По крайней мере, сегодня ни у кого из школьников наших мобильник не отберут. В классе нет ни одного мальчика, у которого не отобрали мобильник. Зато как пышно расцвела коммиссионная торговля этими игрушками! Полный беспредел и слияние жалких бизнесменов с жалкой властью.

Рано или поздно эти пацанчики, вставшие на путь преступления, будут сидеть в тюрьме, выйдут законченными тупыми отморозками, ещё меньше понимающими жизнь, чем раньше. Люди – как вши, с которыми никто не дружит, кото-

рым никто ничего не объясняет. И они в скорбном бесчувствии гадают, гадают, пока не убьют других и себя... Наверное, главное – научиться радоваться жизни...

((((((((((((

–А что ты Владик, делал раньше?

–Когда?

–Ну, с самого начала?

–В театре работал. Сначала я в театральном учился, на актёра. Но оттуда меня выгнали на 1 курсе за профнепригодность. Я нервный очень. Слабонервный, не подхожу для театра. А потом я осветителем работал. Потом путешествовал по Европе на велосипеде. В Белоруссии границу перешёл в лесу, оказался в Польше, сел на велосипед и несколько лет так и ездил по шоссе.

–А на что ты жил?

–Строил всякое.

–А работу как находил?

–Зайду в бар, разговарюю с каким-нибудь типусом.

–На каком языке? Ты что, иностранные языки знаешь?

–Да, могу изъясняться. Я же английскую школу заканчивал. Говорю, что строить умею. Во Франции мужику одному сарай для коров построил. В Германии – дом ремонтировал. Потом путешествую, пока деньги не кончатся. Во Франции тот мужик меня выгнал. У него в подвале были бочки с вином. Он сказал, что после работы я могу пить, что захочу.

Я у него несколько бочек выпил. Он пришёл в ужас и меня прогнал. Он думал, что я по чуть-чуть буду потягивать. Когда заглянул – все бочки пустые, я последнюю допиваю...

–А чего в Россию вернулся?

–А надоело. Потом меня везде полиция ловила как футбольного хулигана. Я на одном матче у них в Европе засветился, попал в базу данных...

Я засыпаю на плече Владика и вижу во сне молодого красавчика, который на велосипеде как птица порхает по Европе. Я завидую Владику. Мне так и не удалось преодолеть силу притяжения родных просторов, так и не удалось ни разу пересечь границы страны. Я не понимаю, почему он такой мудака, почему так быстро прошла молодость, почему он здесь, в комнате на Шпалерной, в этой гробообразной длинной и тонкой с боков комнате, где, если диван разложить, уже по стенке надо к окну продвигаться. Вид из окна у Владика не ахти. Упирается в старинный дом со скромной лепниной, там какие-то чиновники маются за рабочими столами, так что надо всё время окно прикрывать шторой.

((((((((((((((((

Штора у Владика смешная: собачки у мисок, старинная детская штора из Владикова детства, посеревшая и полинявшая.

Комната у Владика вот такая. Поднимаешься по покрытой сталактитами и сталагмитами лестнице, очень древней,

истёртой лестнице. Дому то лет 200. Последний этаж пристроен был при Сталине. Тогда, наверное, был и последний ремонт. Тогда, наверное, и нарезали комнатух, пять штук, одна большая кухня, ванная с колонкой. В каждой комнате – эгоист-солипсист, типичный питерский одиночка живёт. Всё же продвижение есть – в каждой комнате по телефону. Порядки в коммуналке такие: никто в душу не лезет ни к кому, никто голый по коридору не ходит. Коридор – зона приличия. Никаких коммунальных бесед по душам. «Здравствуйте» – сказать можно. В комнатах скрываются молодые люди, пара одиноких мужчин, несколько семей. Стариков здесь нет. На коммуналку эту в центре города раззявили рот всякие бандиты-акулы-риэлтеры. Квартирка провела совещание. Никого не пускать даже на порог. Только своих друзей и родственников. Внизу домофон, наверху, при входе в квартиру, пять кнопок звонков на двери. На них никто вам дверь не откроет, хоть умри. Как бы ты не вопил, что к Владу, но коль кнопку перепутал, иль, коль Владик не отвечает – ну так и иди отсель, никто дверь не откроет тебе. Отличная система! И люди живут тут уютненько, местоположением у Невы дорожат, никаких разменов и в помине нет, всех такое сожителство устраивает. Коридор, правда, жуткий. Линолеумные плитки от пола отщербились, обои древние подраны котами и засалены до ужаса. А вот и котик сиамский бежевый, с мудрыми еврейскими глазами и с морщинками на щеках, смотрит на вас, греясь на батарее, на

шерстяной подстилке. В ванной чисто, ванная белая, лучше, чем в отдельной квартире у меня. Когда летом нет горячей воды, я у Влада с удовольствием без брезгливости моюсь в его коммуналке. Так что мифы всё это – про непереносимые ужасы коммунальной жизни. Кухня – место молниеносной готовки жратвы. Добежал, засунул в газовую плиту, забрал с собой в свой номер. Можно помыть посуду, если надо. Из окна вид на крыши и трубы. Хороший вид. На окошечке раскинулась тощая узорчатая герань, похожая на коноплю.

В комнате у Влада стоит тёмно-зелёный диван, новый, но уже разваливающийся от постоянного барахтанья и ворочанья на нём крепкого человеческого тела, иногда и не одного. Диван из мерзкой породы с глубокой бороздой посередине, так что когда спишь по центру, то тело в щель закатывается и там даже ущемляется, если не подложишь одеяло потолще. Шкаф с барахлишком и пустыми коробками отгораживает уголок жратвы в углу. Там батюшко-кормилец, дряхлый, но работающий советский холодильник марки «МИР» с округлыми формами. Не светит и не греет, холодит отменно. На холодильнике Влад держит грязную посуду. Гигантские подгорелые сковородки, кастрюльки с пельменной отработанной водой, тарелки со следами пищи. Мыть посуду Влад отказывается категорически. Мегера Фёдоровна с этим смирилась, раз в неделю она приезжает и моет посуду, метёт затоптанный как в конюшне пыльный пол, устланный рваными упаковками от жратвы, раз в два месяца стирает серое

затёртое до дыр постельное бельё. Я пыталась помыть Владу посуду- но он на меня гаркнул- не надо, это дело пусть Мегера делает, она профессионал... Ну и отличненько. Я прихожу к Владу как девочка ради чистого гедонизма.

Ещё у Влада комната его зелёнообойная чем-то провоняла от антисанитарии. Пахнет самцом, несвежим бельём, куревом, алкоголем и старыми питерскими стенами, очень старыми стенами, впитавшими вонь котлет и сапог, сонного пота, мебельных испарений и пыли ушедших эпох от ушедших одежд ушедших людей. Пора делать ремонт в комнате этой замшевившей.

Когда по ущелью Шпалерной проезжает особо толстая и нагруженная машина, дом заметно трясётся. Сначала я изумлялась этому забытому ощущению. В детстве и юности я тоже жила в доме, который дрожал от каждого трамвая днём, а ночью от чего-то необъяснимого, ночных подземных поездов метро, наверное, так как по улице ничего не проезжало, а дом вдруг ощутимо потряхивало, аж ложки в стаканах звякали и створки трюмо чуть колебались, но потом я к этим потряхиваниям привыкла. Трясётся, но не рушится, значит, система жёстко-мягкая, притёртая, простоит долго.

За шкафом прячется обеденный столик. Там стоит заплюсганный электрочайник, много раз эксплуатируемый. На столе всегда можно увидеть большой пузатый заварной чайник с обитым краем, в него Влад забрасывает четыре пакетика чая, заливает кипятком и это пьёт в свежем виде. Сле-

ва – сервант. Там рюмочки тонкостенные советские стоят, а также чашечки маленькие запылённые, так как Влад любит пить из огромной длинной чашки с розочкой, куда полтора стакана жидкости помещается. Также в буфете Владик держит булочку, плюшки, сахар и горчицу в тубике, также ложки и вилки старинные, от предков запавшие, в ящике специальном.

(((((

Любовь к порядку в этой части комнаты сыграла как-то с Владом злую шутку. Мегера Фёдоровна как-то узрела тубик с горчицей в серванте, а не в холодильнике, что является непорядком. Она горчицу положила в холодильник. А на место, где обнаружилась горчица, Мегера Фёдоровна положила тубик клея «Момент», который лежал на обеденном столе, что тоже непорядок. Влад поутру, отправляя в рот разгорячённую сардельку, сверху густо снабдил её выдавленным столбиком из привычного тубика, полагая, что это горчица. Засунул в рот, подивился странному острому синтетическому вкусу и тому, что вроде как зубы липнут. Взял вторую сардельку, опять её намазал тем, что полагал за горчицу. Опять подивился и съел. Зубы совсем слиплись. Влад стал про себя чертыхаться, что за горчица такая некачественная на этот раз попалась! Приблизил к носу тубик, увидел, что это клей «Момент»! Но деваться некуда, клей в животе, обратно не выдавить. Последствий никаких не было. Сожрал, в целом,

полтюбика.

Рядом со столом у Влада стоит старинное кресло, дореволюционное, тоже привет от предков-петербуржцев. Кресло низкое, с оборванной тканью, но с ручками и спинкой, имеющими украшения и резьбу, а также хорошенькие воткнутые гвоздики для усопшей и истлевшей, красного шёлка когда-то обивки. В углу – телевизор, который у Владика работает денно и нощно. Также денно и нощно в комнате горит люстра. Слабонервный Влад боится темноты и тишины, он спит и ест при свете и шуме, если выключить – начинает зверски ругаться. Очень энергозатратный образ жизни ведёт Влад, как и положено крупному самцу. Под телевизором в тумбе у Влада трусики и одежда. Одежды у него мало. Дома Владик сидит в ярко-голубом спортивном костюме с пошлыми красными и белыми полосками. Костюм это воистину бессмертен. Он не снашивается, из такой матёрой синтетики он сделан!

Влад вообще любит пластмассу и синтетику. Он считает, что чем технологичней, чем искусственней, чем дальше от природы – тем лучше. Он до хрипоты настаивает на этом. Он любит пластмассовую мебель, что на мой вкус ужасная гадость. Он говорит, что ненавидит природу, что любит нюхать аромат выхлопных труб, любит видеть гладкий асфальт без всяких гадостей – земли там какой, травы или цветущечков. Он говорит, что хотел бы вживить в себя всякую технику, например – мобильник. А то всё равно теряется всё

время, или надо его куда-то к телу в одежду пристраивать. Одежду Влад любит рабочую. Напокупал себе комбинезонов с грудками, лямками и кармашками спереди. В кармашках Влад носит целую лабораторию, целый набор инструментов. Ножи, отвёртки, провода, омметры какие-то, дрели, шуруповёрты, кисточки. Идёт весь в функциональном металле. Это вам не бирюльки металлистов и всяких манерных пацанов. Это всё рабочее, нужное.

Сверху Владик любит одевать что-нибудь яркое. Ослепительно жёлтую куртку-дождевик с капюшоном и кармашком спереди, или ослепительно красную куртку-дождевик такого же фасона. Идёт как палач города Лили, бровями своими густыми и выразительными шевелит, зубы свои крепкие за крепкими губами скалит в притворной язвительности.

Идёт Владик по городу, сияя курткой лучезарной и бритой лысиной — лучезарной, идёт, как луч света в тёмном царстве, металл на нём звенит, ментов пугает.

(((((((((((

Любимое занятие Владика — дразнить собак и ментов. Как увидит собаку — начинает на неё гавкать, чтобы она изумилась и рехнулась от удивления. Лаает Владик на всех подряд собак, независимо от размера и породы. Собаки крепконервные отвечают ему строгим злым лаем. Собаки слабонервные трясутся и писаются, путают свой поводок за ногу хозяина, доходя да жалобного визга и предсмертных судорог от

страха, что вот какой-то тощий огромный калека-пёс, двуногое чмо без хвоста, страшные зубы показывает, лает гадко. Ужас!!! Хозяин выходит вперёд и начинает ругать Владика. Владика этого только и надо. Кого-нибудь удивить, вывести из скучной однолинейности жизни. Любит Владик входить в общение и с другими животными. У него было две кошки. Одной, очень пушистой и толстой, он обрил её пушистый хвост до розовой кожи, отчего она стала похожа на смехотворное существо. Второй белой кошке он фломастером подрисовал под глазом фингал. Мегера Фёдоровна увидела, что что-то с кошкой не то. Влад ей говорит: «Видишь, подралась, фингал ей под глазом поставили!». Мегера Фёдоровна охнула, присмотрелась, потом до неё дошло, и она отобрала у Влада кошек.

Мой кот Китс сразу понял, что за зверь Владик. Владик стал корчить рожи коту, лаять на него. Китс на него посмотрел презрительно, как на слабоумного чувачка, и на всякий случай спрятался в соседней комнатухе. Только Влад заснул, Китс нассал ему под его белоснежные копытники. В следующий раз Влад поймал Китса и посадил его на антресоль. Китс хладнокровно там уселся и стал смотреть, что этот лысый самец будет делать дальше. Лысый Влад подошёл, стал лаять на Китса, рычать, скалить на него зубы. Китс спокойно на всё это смотрел, тогда Влад стал его палкой подгонять, чтоб Китс, очевидно, полез на потолок от страха. Китс посмотрел прямо в глаза мучителю, холодно так, с человече-

ским презрением. Потом он как бы прищурился, измеряя на глаз расстояние. Потом он прыгнул. Прыгнул он удивительно. Прыгнул он так, чтобы во время полёта чуть скребнуть Влада по лысине всем четырьмя лапками, а потом приземлиться точно у двери в среднюю комнату и там и скрыться под диваном. Когда Китс прыгал, все мы взвизгнули. Сначала показалось, что Китс метит Владу глаза выдрать, как это любят с обидчиками делать злые коты. Но и Китс и Влад — оба добряки по натуре, так что прыжок был образцово-показательный. Китс как бы сказал: «Ну чего, чувак, шутки шутикуешь? А слабо вот так вот, с такой хирургической точностью, а?». Влад ошалел от мужского поступка Китса. Стал ругаться на Китса.

В третий раз Китс показал Владу фак. Влад стал ещё ниже подавать голос, ещё на первом этаже. Китс сидел на цветочных ящиках, на высоте четвёртого этажа, наблюдал за жизнью воробьиной семьи, дышал летним воздухом. Когда он увидел лысого Влада, который кричал: «Котик Китсик! Я иду к тебе! Я сейчас буду! Хвостик тебе подстригу!», то лицо его выразило высшую степень презрения. Потом Китс повернулся попой к Владу, задрал победоносно хвост и покачал им, как качают рукой, другой эту руку поддерживая, как знак фак. Влад растерялся. «Мне Китс показал фак!», — сказал он нам. Дети обрадовались и сказали гордо: «Знай нашего Китса! Он ещё и не так может!».

(((((

Но всё же на первом месте из всех удовольствий у Влада стоит удовольствие дразнить милиционеров. Когда-то Влад носил джинсы в цветочек и длинные волосы, когда это было делать нельзя. Менты сильно тогда длинноволосиков обижали. Я смотрю на Владика и пытаюсь прицепить в уме к нему длинные тёмные конские волосы. Не получается. У Владика низкий лоб. Такой лоб обычно делает красивыми женщин-Венер с густыми волосами, которые они гребнем зачёсывают назад. Нет. Решительно не могу представить Владика в волосах, такого всего гладкого и безволосого, как мраморная статуя...

Потом Влад решил резко сменить имидж и побрился налысо. Получилось расчудесно! Голова лоснится, сверкает на солнце розовой кожей, череп у Влада хорошо сложен, фигура статная, длинная, морды он корчит ужасные. Владик, кстати, занимаясь еженедельным бритьём головы, задался целью лишить своё тело вообще всякой растительности. Стал изучать журнальчики, теревить специалистов из косметических салонов. Потом выбрал самый доступный путь – купил много-много тюбиков с кремом для депиляции, для нежной женской кожи. Потому что мужская кожа и женская мало отличаются, только волос резче лезет. Волосы на ногах и груди на время отпали, а вот на голове фокус не удался. Приходится сбривать бритвой обычной почаще, так как волос из Влада лезет густой и мощный.

В-общем, менты видят в бритом налысо и сверкающем жёлтой курткой Владике что-то глубоко чуждое порядку, что-то необъяснимое и настораживающее...

Недавно Влад вдруг сказал, что он потомок литовско-немецких баронов Литопурков. Он вдруг разразился загадочной фразой: «Как он смел, смерд, крестьянский сын, перечить мне, барону Литопурку!». Это Влад так сказал о милиционере, который требовал у Владика паспорт, испугавшись его экзотической Рамштайновской внешности. Владика опять приняли за олдowego, немолодого главу скинхедов.

Я обалдеваю от внезапно открывшегося барона Литопурка. Ужасно смешно – барон Литопурк. Ха-ха-ха! Сейчас упаду с дивана на затоптанный пол, посыпанный обёртками от данкейксов! Хотя Владик никогда не врёт, всё, что он говорил пока – всё чистая правда. Как его голубые глаза. Иногда, когда Влад в хорошем состоянии, глаза у него красивые и голубые. Голубые и кроткие, как у трепетного голубя. Когда ужрамшись – глаза цвета грязи на асфальте, абсолютно непонятные.

Так, значит мы бароны Литопурки! По маме или по папе? Оказывается, по маме. Баронесса Литопурк, говорливая женщина, умеющая готовить вкусные штучки, имеющая непонятную тягу к английской культуре. То вдруг на сраных зелёных обоях Владика приклеит вырезанную картинку с рисованной джинсовой парочкой из 60-х. То вдруг приклеила

вырезанный откуда то рисованный «Биг Бен». Так стильно! В ней, в этой затоптанной двумя неженатыми сыновьями советской домохозяйской пенсионерке явно пропадает талант к современному искусству! Она явно коллажистка! По ней Гельман и Бакштейн плачут!

Когда она как-то пожаловалась сыну на старость, он ей посоветовал джинсы в стразах от Версачи носить. «Чего ты Мегера Фёдоровна жалуешься!— сказал Влад. — Надень джинсы в стразах, курточку короткую серебристую или розовую, например, и так ходи, и старости в тебе поубавится!». «Ты что, что ты, что ты!»,— застеснялась представительница древнего рода Литопурков, чья смелость сильно подпорчена на генетическом уровне жизнью двух поколений предков при совдепе. Так что Мегера Фёдоровна предпочитает ходить в сером, как все её ровесницы кроме Аллы Пугачёвой, не выделяясь из толпы.

(((((((

По поводу ментов... Я то вижу, что на самом деле в глубине души Владик страшно рад, когда милиция обращает на него внимание. В родном отделении Центрального района на него внимание уже стараются не обращать, его вроде как все тут уже знают как безобидного идиота.

Но на окраинах города его возбуждающий фантазии вид постоянно привлекает стражей порядка. «Ну-ка, что за проводки у вас из сумочки торчат?». «Конечно проводки от бом-

бы. Я же террорист, везу 10 кг тротила», – шутит Влад, делая страшную морду. Иногда, когда стражи порядка не обладают чувством юмора, они требуют у бритоголового человека паспорт. И тут – кранты полные. Всё во Владе диковинно, но документы его диковинней всего в нём. Самая суть диковинности Владика – в его паспорте!!!!

(((((

–Ну, расскажи, что ты там такое удивительное с паспортом сотворил? Почему ты гражданин мира?

– Я отказался от советского гражданства. Я ненавижу комсу и комуняг, пошли они в жопу! Меня, барона Литопурка – сделать гражданином этой сраной страны!

–Йё! Чегой-то ты так разбесился. Страна сраная, но ты тут вырос. Переделай эту страну! Этой стране нужны крепкие красивые совершенные парни типа тебя. Не всё же Рамштайну хвастаться своими немецкими красавчиками!

–Легче из неё уехать. Чем северней и западней, тем люди лучше.

–Перестройка же была?

–Плевал я на перестройку. Народ здесь поганый живёт. Крестьянские дети. Как увидишь крестьянского сына – убей его! Как увидишь комсу – убей! Комунягу – на кол! Мне Горбачёв лично подписал согласие на то, что я не гражданин СССР.

–И кто же ты?

—Гражданин мира!

—Нет, всё же какой-то документ то ты получил?

—Я добился. У меня вид на жительство. Я имею прописку, могу платить налоги и получать медицинское обслуживание, но я не могу быть избранным в депутаты и не могу служить в армии!

—Ой! Ой-йё-ёй! Какой ты хитрец! Да ты просто так от армии закосил, да? Какая ты шельма!

—Да, закосил, и других научил. Пошла нах эта армия. Я хиппи, я против войны и против государства! Я ненавижу эту страну и этот народ!

—Ну, так я тебя не понимаю. Надо было тебе там остаться, когда ты там был.

—Я сам не понял, зачем я вернулся

—Ну, так тебе надо опять отсюда во Францию или Англию. Тебе там будет хорошо,— говорю я с холодом обиды внутри. Он меня не любит.

—Я нахожусь под условным сроком.

—Ни хрена себе!!!! Как это?

—Да ни за что, по пьяни. Хотел пообщаться с людьми... Мне приписали, что я бутылкой по голове... Потерпевший сам был пьян. Он хотел взять обратно свои показания. А менты, козлы вонючие, не отдали... Через 7 месяцев я буду свободен.

Ничего себе барон Литопурк учудил! Бутылкой по голове! Хотя его предки, наверное, тоже в выражении чувств не

стеснялись. Били мечом по голове или по шее, и всё им с рук сходило....

— Не было бутылкой. Не было ни шишки, ни сотрясения. Тот чел даже не почувствовал...

Владик оправдывается истерично.

— Я не хочу в тюрьму! Ни за что не хочу! — вдруг говорит красномордый жуткий Владик, которого я не то что начинаю бояться, но порой смотрю на него как на кусачую запредельно ядовитую тварь, в своих противостояниях наносящую удар выше меры. Уж больно простонароден Влад... Или, наоборот, бароны потому и стали баронами, что отвечали на удар ударами превосходящими, добивающими противника. А те, кто стремился блюсти меру типа око за око, те остались баранами. Барон отличается от барана тем, что за око голову отгрызает, и никаких мук совести... Нарушает равновесие в сторону своей экспансии. Может, первым не начинает, но если кто на его территорию позарится, так и сам жив не будет, и земельку свою отдаст, а барон расширится за счёт своего праведного непомерного гнева. Хм. Барон Литопурк...

— Я в Голландию хочу. Я, как появится возможность, обязательно туда навсегда уеду.

«А я как же?», — хочу я задать вопрос, но не задаю его. Интердевочка проклятая, вот ты кто, Владик. Ты замшелый фарцовщик, любитель ихней жизни. Это, Владик, пошло. Но я ничего не говорю страшенькому Владиду.

Владик раздвигает диван и закрывает дверь изнутри.

—Сударыня, а не пора ли нам перейти к совокуплению?— говорит Владик.

(((((

Владик приходит донельзя возбуждённый. Он мне показывает свою расползшуюся от многочисленных купаний в Неве ксиву, по которой он является лицом без гражданства, проживающим на Шпалерной улице. Ему нужно было ксиву продлить, но по новым законам его заставили пройти медицинское обследование. «Ты не представляешь, что эти твари со мной учудили, лекаришки эти бюрократические!». «А что они с тобой учудили?»,— с некоторым волнением спрашиваю я. «Я пришёл, а они у меня кровь взяли из всех мест, и из пальца, и из вены.... Я чуть сознание не потерял, я не люблю кровь... Потом просветили рентгеном. Простукали, прослушали. И даже ёршиком в задницу зачем то залезли! И там покрутили!». «Ёршиком? Какой бред!». «Я тоже изумился. Я не ожидал. Но теперь я – гражданин мира ещё на год, менты, козлы вонючие, ко мне теперь не придерутся!»,— гордо восклицает Влад. Я смотрю на него скептически, всё же он мудак, этот барон. На деле он сделал своим странным гражданством столько бытовых проблем, что тяжба с государством тех жертв не стоит! Хотя то, что Влад такой зловредный анархист, такой крючкотвор, который смог пойти против махины государства – мне это ой как нравится, ой

как мне это нравится....

ДРУЗЬЯ ВЛАДИКА

(((

Друг у него Миша Взоркин. Это такой толстый еврей, который ждёт смерти своей тёти. Он живёт один в хрущовке, он очень умный и начитанный, безумно любит книги, музыку и кино. Работать он не умеет. Негде интеллектуалам работать. Тонкий слой культуры – он как тощая аура на теле мясного телесного общества, живущего как биопланктон. Тот планктон обывательский живёт ради брюха, размножения и набивания квартирок барахлишком, а также банковских счетов циферками с ноликами. А вот Миша Взоркин – типичный планетарный фрик-интеллектуал. Он ни хера не зарабатывает, братья евреи по разуму ему помогают жить. Дают чуток бабла, чтоб он не сдох в своей хрущовке и не провонял там беспризорным трупом. Много бабла Взоркину не надо. Ест он немного, но жирно и вкусно. Он почти не двигается, приростя к компьютеру и будучи его мясным продолжением. От этого Миша жирён, холёный вид имеет и жиреет всё больше.

Миша набивает квартиру книжками и дисками. У него собран нектар сегодняшней реальности. Всё лучшее, что производят в культуре люди, всё это Миша коллекционирует и хранит. Он эксперт высокого класса в этом деле. Но ему лень социализироваться, куда то идти, куда-то предлагать себя, куда-то себя встроить, или, ещё чего доброго, са-

мому что-то возглавить и руководить. Миша восседает тучный на скрипучем кресле перед компом, кой-куда всё ж ему подсказали пописывать, кой-какие монетки ему капают иной раз. В нете нашёл сайтик, где за статьи платят...

Девушки ленивого Мишу мало интересуют. С ними надо трудиться – трудиться на подступах, чтоб соблазнить. Потом, поймав, опять трудиться. А нах всё это надо. Миша плюнул на девушек, он смотрит манго-порнушку, где трахаются нарисованными пиписками мультяшные аккуратные девочки с огромными кукольными глазищами, крошечными носопырками и чистыми малюсенькими губками без микробов и грязи. Он сам большеглаз, с маленькой носопыркой и ротиком, он сам отчасти в стиле манго.

Правда, годы берут своё. В чёрных роскошных кудрях завелось серебро, серебро появилось даже на кудрях на брюхе и груди. Миша к этому относится с грустью, но благостно. У него слишком много радости в жизни – найти в компе нового писателешку, прочесть его, вынести своё суровое мнение по поводу его творений. Или выловить задорную критику на литературный процесс и согласиться с ней или нет. Также полакомиться только что выползшим фильмом, эстетски снятым. Или утащить в свою компьютерную папочку новую музыку, недавно кем-то состряпанную и интересную. Попсу Миша не терпит, он слишком тонок и элитарен. Но вкус у Миши всё же странный. Миша иногда затачивается на что-то скучное и длинное, что ему кажется интересным и познавательным.

Или иногда его влечёт сало, жирное, грубое и похабное, с площадным улюлюканьем, кем-нибудь бездарным написанное. Когда похабно, то тут Миша теряется. Тут он уже не отличает одно от другого и может проглотить полное гавно, не просто проглотить, но и получить от него оргазмическое удовольствие. Потому что сам нежный.

Что-нибудь самому творческое сделать Миша не в силах. У него вроде есть всё – тонкая рафинированная душа, хороший вкус, позывы к чему-то туманному. Но нет. Написать свой стих или рассказ Миша не может. Отзыв о книжке или фильме – это он ещё может. А вот свой стих или рассказ – нет. Тут ведь надо полюбить себя, свой стержень, найти в себе кость и остяк, и так крепко взяться за этот шест, что даже заорать на всю ивановскую о себе, своих чувствах и видении мира. Ленно это Мише.

У Миши богатая одинокая тётушка в очень хорошей квартире живёт. Когда Миша был мальчиком ещё, уже тогда кто-то ему шепнул, может мама, может папа, что Миша – её наследник. Что когда тётушка умрёт (тут мальчик Миша нежно взвизгнул от ужаса), тогда квартира и наследство достанутся Мише (тут Миша призадумался). Откуда старая пердунья нахапала свои сокровища – это пусть будет в тумане. Может, овдовела удачно. Может, получила в наследство от цепко и жадно живших родителей. Неважно. Мише тогда шепнули в детстве, что ему надо чтить тётю, и тогда он будет Наследником её несметных сокровищ. И вот Миша уже по-

седел головным и телесным волосом, но неукоснительно по субботам ходит на чай к тётё. Это его железное правило с надеждой получить за его исполнение заслуженное вознаграждение. Тётушка не умирает. Она и не стареет даже. Она законсервировалась и превратилась в вечный соблазн для Миши. У них даже азарт возник, о котором вслух они не говорят – кто кого переживёт. Вполне возможно, что тётя унаследует хрущовку своего племянника со всеми его ценностями и драгоценностями, со всей его прекраснейшей, аппетитнейшей для знатоков коллекцией всего лучшего в культуре, созданного при Мише и до Миши. Правда старомодная тётя, знающая толк в столовом серебре, настольной бронзе, хрустальных люстрах и подлинном багете, не столь хорошо разбирается в виртуальных ценностях, которые и потрогать то нельзя, диски да диски какие-то одинаковые белёсые с нехорошей искусственной радужностью на поверхности. Что там внутри тётю не очень волнует.

Но в целом и Миша и тётушка живут в своё удовольствие, делая то, что им больше всего в этой земной жизни хочется. Миша вылавливает сливки культурки в Интернете, тётушка сладко потягивается в своей роскошной большой квартире среди милых дорогих вещей.

Владик сильно любит Мишу, иногда даже испытывая к нему гомосексуальную тягу, так как Миша жирён, сисяст, жопаст и пахнет свежей жирной девочкой. Но всё же больше всего ему нравится тонкая нежная любознательная душа

Миши, его меломанство и синефильство, его бескорыстная страстность фрика-коллекционера. Оба они – гумос культуры, а гусак гусака чует издалека...

(((((

Ещё у Владика есть друг по кличке Высоколобый. Это тоже одинокий бессемейный и бездетный фрик. Он увлечён другими вещами. Он увлечён компьютерным нутром. Он сам себя возделал в великого программиста, въедливо сутками бессонно просиживая перед монитором. В отличие от Миши и Влада, увлечённых вечными и эфемерными культурными ценностями, Высоколобый увлечён тем, за что деньги дают. Он научился очень хорошо зарабатывать, оказывая элитарные компьютерные услуги нуворишам. Ну, там в банке комп накрылся, и вся ценнейшая информация исчезла. Зовут Высоколобого, Мерседес, джип, вертолёт за ним посылают, слёзно молят, чтоб спас. Он поколдует с умным видом, восстановит исчезнувшее, и хозяин на радостях хорошо одарит Высоколобого. Деньги полученные вкладывает в то, что ему больше всего нужно. У него машина, квартира, плазменная панель во всю стену, самый лучший компьютер и всякие технические игрушки.

Недавно Высоколобый уехал в Голландию. Туда его сманил русский друг, давно уже там угнездившийся. В принципе Высоколобому без разницы, где жить и где добывать бабосы на новейшие технические игрушки. Но друг обголланд-

дившийся таки сманил. Нет теперь Высоколобого в Питере, на одного друга стало меньше, к которому можно сходить в гости и сладко до донышка потрындеть о всяких штуковинках и финтиклюшках компьютерных...

(((

Ещё у Влада есть друг-сантехник высокой квалификации. У него есть семья, жена и дети, человек он более простой. Простой, но с изюминкой. Он как-то купил маленького питончика. Прошли годы. Питон вырос. Влад зашёл навестить своего сотоварища. «Как твой питон? Где он?», – спросил Влад. «Ой, и не говори!», – сказал Серёга и опасливо показал на запертую дверь. Питон подрос. Вытянулся до 5 метров. Потяжелел. Рос питон тяжело. Ему надо было периодически менять кожу и ложиться на зиму спать. Питон обычно почёсывался, обвиваясь вокруг табуретки. Потом ему табуретки стало мало, он стал почёсываться, обвиваясь вокруг ножек стола. Однажды он чесался, чесался, и стол сломал, ножки сплющил в кучу. На зиму питон забирался за шкаф и там спал. Однажды он забрался за шкаф, там долго ворочался, перед тем как заснуть, но стал он так жирён и огромен, что шкаф завалил на бок. В-общем, тварь эта переломала в доме всю мебель.

Питаются питон кроликами. Ему покупают раз в неделю живого беленького кролика, выставляют его попрыгать в коридоре, питон на него издали с вожделением и нарастающим аппетитом посматривает, потом кидается и глотает. Пе-

реваривает неделю, спокойный, как бревно. Однажды к сантехнику зашёл сосед с беленьким пуделем. Пока мужчины беседовали, пудель забежал в соседнюю комнату. Потом оттуда раздался чудовищный вопль собаки. Когда беседовавшие мужчины туда вошли, то увидели пуделя, вскочившего непостижимым образом на высокий шкаф. Из угла комнаты на пуделя со странным выражением лица смотрел питон. Питон увидел беленького и кудрявенького, цокающего коготками по паркету... Он принял пуделька за кролика и захотел его съесть. Как влез пудель на шкаф – было неясно. Но беседующие мужчины вовремя зашли в комнату, где проводил время питон. Сосед страшно ругался и возмущался, ещё пара минут, и его пудель бы погиб неприятной смертью.

Теперь от греха подальше питона запирают в отдельной комнате. А он всё растёт и растёт. Что будет дальше – непонятно. Но сантехник Серёга привык к своему домашнему зверьку, он его по-своему, странной любовью любит, и потом мы в ответе за тех, кого приручили...

(((((

Есть у Влада и пара одноклассников, с которыми он поддерживает отношения. Один из одноклассников стал бандитом в весёлые девяностые. То есть он стал предпринимателем, научился делать деньги, создав какое-то производство. На запах денег тут же пришли рэкетеры, пошли разборки кто кого крышует и кто кому платит с несчастного стада

подстриженных овец. Кончилось тем, что честный русский парень Никита Спиридохин, честно верящий в трудолюбие, предприимчивость и порядок в деле кто кому даёт и кто кого крышует, верящий если не в конституцию, то в негласные правила бандитской чести, этот Никита Спиридохин в острый момент достал пушку и пристрелил вымогателя. Сел на 12 лет. Сидит.

Второй одноклассник пошёл в противоположный стан. То есть он туда попал не по настоящему, а искусственным образом, он стал хорошеньким актёром и во всех сериалах играет положительных смазливых ментов. Парит людям мозги со своей смазливой голубоглазой внешностью. Изображает умного, честного и смелого такого сотрудника «органов», и вечно он в сериалах ловит тех, кто «честно жить не хочет». В-общем, лживое что-то он изображает, к жизни отношения не имеющее. Стрельба, погони, красиво закурить от волнения вместе с красивой бабой-ментовкой, расследующей очередное убийство. А страна рушится, крошится, высасывается, единичные убийства это ничто по сравнению с вымиранием и убийством целой нации и всей страны.

Вот так вот судьбы одноклассников разошлись на противоположные станы. Один реально сидит в тюрьме за то, что пытался честно поверить в честное предпринимательство, а второй играет доброго мента, таких вот «негодяев убийц» излавливающих...

((((

Но самый оригинальный и странный друг Влада – полукриминальная личность по кличке Поп. Он живёт по соседству, в коммуналке на Фурштадтской. Это тоже страшно ленивый типус с нежной и тонкой душой. Он обладает колоссальной памятью, филологически одарён, знает наизусть множество стихов. Стоит ему прочитывать один раз текст, и он может его пересказывать почти дословно. Такая мощная голова у Попа. Своим талантам Поп найти применение не придумал. Работу не нашёл себе по душе, чтобы гениальность свою применять радостно, отдавать её на пользу людям, и чтоб платили ему столько, сколько нужно ему для поддержания его толстого, требующего питания, еды и веселий тела.

Он мучался, мучался, незаметно как-то подсел на героин. Без героина и жить то не может. Деньги нужны регулярно. Ломки мучают. И вот тогда Поп стал Попом. Он сшил сам себе рясу наподобие монашеских. Сделал шапочку. Всё сделал виртуозно. Захочешь чего-то сильно, и не тому научишься. В антикварном магазине купил огромный тяжёлый крест. Захочешь чего, так для приближения к цели и деньги последние вложишь. Выучил наизусть Библию. То есть она сама ему запала при чтении в голову целиком. И вот в виде убедительного попа Поп пошёл на панель. Смастерил себе ещё чёрную коробочку с прорезью, на которой написал золотыми буквами «На пожертвования для Свято-Введенского Монастыря Сергиевой Лавры». В таком виде Поп пошёл стоять

в метро, там тепло, и дождь со снегом костюм не испортят. Да, к тому же он ещё отрастил себе длинную бороду и длинные жидковатые волосы. Стоит Поп, иногда крестит крестом своим проходящих. Люди грешные всё мимо бегут, многие деньги во искупление своих грехов Попу в ящичек бросают. Так Поп решил проблему, как доставать регулярно деньги на героин. Иногда с Попом измученные чувством вины женщины, а также увядшие и тщетно стучащиеся в небесные врата мужчины вступали в робкие беседы. «Батюшка, помоги! Батюшка, расскажи, что делать, как быть!». Поп с важным видом удачно цитировал Библию, советовал молиться, поститься и не скупиться пожертвованиями на церковь. В принципе ничего плохого Поп людям не советовал. Коробочка его каждый день была полна шуршащими и звенящими. Пару раз прицеплялась чересчур бдительная милиция. Один раз заболтал. Второй раз попал в кутузку и был предупреждён. Но отдал выручку и был отпущен.

Владик говорил Попу: «Ты хоть часть выручки в церковь относи. А ещё лучше отправляй на адрес церкви, на расчётный счёт хоть какую-то сумму. Тогда к тебе никто не придерётся!». Но Поп был очень жаден. Жаден до жизни, и вообще. Он много ел и любил красивые новые джинсы. Был экономен, стремился на всём сэкономить. В церковь деньги не отдавал.

Сэкономил на одноразовом шприце в аптеке. Подцепил СПИД. Бежал за героином на Северный рынок, там хачи с го-

товыми шприцами стоят коридором. Невмоготу было, кольнулся прямо на улице за кустом. СПИДок получил от врагов русского народа. Попал в клинику, где спидоносцам делают поддерживающие жизнь процедуры. Позвонил другу Владике. Владик навещал друга с воодушевлением, поддерживал его морально, чтоб тот не впадал в уныние. Там была в соседнем женском отсеке знаменитая певица Сирена. Она тоже, сучка мелкая, грязно кольнулась и подцепила СПИД. В отличие от Попа, который плакал только первые четыре дня, когда узнал о неминуемой кончине беспечной жизни, Сирена впала в агрессию и психоз. Била ногой медсестру и трясла дверями. Все удивлялись тому, что она такая невыдержанная и забздевшая. Владик получил яркие впечатления, ежедневно навещая и морально поддерживая друга.

((((((((

Владик приходит ко мне пьяный-пьяный. Он падает под детский спортивный уголок и начинает снимать свои синюющие джинсы. Хочет трахаться. А мне чего-то с ним как-то не того. Не хочется с этим животным совокупляться.

Владик говорит:

—Су-, су-, су-... Сударыня, да-, да-, да-... Давай совокупляться!

Я смотрю на Владика с презрением. Из его джинсов вываливается множество денег. Бумажки сыплются рублёвые и долларовые, мелочь железная сыпется. Я смотрю на Владика

с изумлением. Влад пытается деньги подобрать, но колени у него расползаются, руки не слушаются.

–Ай! Ну их!, – смиряется с рассыпанностью денег Владик. – Давай совокупляться!

Но я очень-очень заинтересовалась выпавшими денежками. Я собираю их с ковра и раскладываю на две кучки.

–Владик, у меня бабла сейчас нет! Может, подкинешь мне чуток! Ты же жениться на мне хочешь, да? Ну, так давай всё пополам! Половина тебе, половина – мне. Вот давай всю эту кучку поделим. Вот это тебе, вот это мне. Вот это мне, это опять мне, а это тебе. Прикинь – я по справедливости делю, чтоб сумма была пополам. Это мне, это опять мне, это ещё мне.

Влад вдруг живо встаёт с колен, фокусируется, концентрируется, уже не так раздваивается. Он довольно грубо отпихивает меня плечом и коленом от кучи и говорит:

–Нет-нет-нет! Всё не так! Сударыня! Уймись. Это мне, это опять мне, и вообще всё мне, это мои деньги!

Влад берёт и всю кучу бумажек, и часть железных монет загребает в небольшую такую весёлую пирамиду. Я пытаюсь прихватить железных денежек, но Влад вдруг орлиным трезвым глазом зыркает на меня, и эти монетки из под моих рук тоже загребает себе, все-все деньги засовывает в кожаную куртку свою, в её огромные вместительные внутренние карманы.

– Ах, какой же ты жаднющий! Как же жить с тобой, Влад!

— Это мои деньги, и ни с кем я делиться ими не собираюсь! И вообще не до денег. Пора совокупляться. Видишь, как мой Василий на тебя реагирует!

Василием Влад называет понятно какую свою живую и ве-
сёлую часть тела. Василий действительно уже очень оживлён
и как бы ко мне тянется и за мной следит. Я начинаю бегать
вокруг Влада, а его Василий как подсолнух за мной поворачи-
вается. Ужасно смешно! Я забываю про жадного отврати-
тельного Влада.

Ну его с его жадностью. Я же не интердевочка, деньги ко
мне всё равно непонятно откуда, но приходят, и всегда во-
время, когда совсем тоскливо — вдруг приходят.

(((((

— А, кстати, куда ты тогда делся?

— Я попал в больницу.

Я холодею от страха. Владик пугает меня. Вдруг он в спи-
доносной клинике руки не помыл.

— Я съел по своему обыкновению сырую печень, и чуть не
умер.

Фу. Пронесло на этот раз!

— А как это ты сырую печень ешь?

— А так, она вкусная. Я её беру и вот этими клыками, вот
этими (Влад показывает мне свои чуть торчащие клычки
по бокам), вот ими я печень разрываю и ем. Жареная она
невкусная.

—Ну ты и хищник!

—Человек по определению хищник. У него специально клыки есть. Резцы, чтобы откусывать, клыки, чтобы рвать.

—Ну и как ты умирал?

—А вот так, очень просто. Меня забрали в больницу и не могли понять, что со мной. Я всегда ем сырую печень. А на этот раз мне не повезло. Это была какая-то плохая печень, печень западная, американские фермеры пожалуй эту печень вырастили в корове, напшиговали антибиотиками, сыворотками и всякой дрянью. Эти какашки вступили в реакцию с моим алкоголем, и от этого я чуть не откинул копыта.

—Ну и любишь же ты откидывать копыта! Тебе необходимо тепло из окружающей жизни, чтобы успокоиться и смириться с тем фактом, что ты жив...

(((((

Утром Влад любит ставить свой любимый диск. Это какая-то никому не известная группа. Молодые мужики стройными гладкими голосами нежно поют хором : «А идите вы на х—! А идите вы на х—! А идите вы на х—!». Может это хор Турецкого? Уж очень красивые, оперные, мелодичные голоса! И поют многоголосно. Это чрезвычайно позитивное утреннее пение, в нём сияние голубого утра, и щебет старух в коммунальной квартире, и журчание весенних унитазов. И молодые красивые самцы, о которых приятно мечтать, поют хором. В слове «х» слышался лёгкий выдох, как свежий вете-

рок. Влад, гаденько улыбаясь, говорит, что с такой мелодией в душе ему особенно приятно было ехать в часы пик на чувовищную свою какую-то работу. Мы как-то шли с ним по городу, всюду к 300-летию Петербурга что-то строили и ремонтировали, повсюду на лесах копошились рабочие и штукатурицы в красивых комбинезонах. Я похвалила это зрелище. Влад сказал, что вот и он так же как они, весь день болтается на лесах с мастерком в руке.

((((((((

В тот день намечалась тусовка. Позвонил Педрин. Мы договорились с ним встретиться у метро Петроградская. Вслед за ним позвонил Сладкий. Мне так не хотелось, чтобы он был там же. Безобразный пожиратель фуршетов. Самое мерзкое, он быстро, с птичьей дозы, напивается, и начинает похабно себя вести. Красномордый сатир. Он начинает, как кликуша, выкрикивать матерные слова и хватать женщин за места. Похотливо, холодно и больно. Он позвонил, начал вьедливо липко расспрашивать, я по какой-то мягкотелости выдала ему информацию.

Было скучно, мертво. Сладкий ворчал: «И кто только пойдёт такую похабень рассматривать без фуршета. В искусстве главное – фуршет!», – ворчал он себе под нос. Но по некоторым признакам фуршет всё же должен был скрасить неприглядное искусство. На стенах висели увеличенные до безобразия фрагменты японского международного кухонного бы-

та. Пакеты, упаковки, баночки, разрезанные морепродукты на столе, кусок живой розовой японки, случайно попавшей в кадр. Красивая оранжевая лососина, скоро перельющаяся в жёлтую кожу восточной женщины...

– По-моему, фотохудожник где-то недотянул, – бормотала зажиревшая фуршетщица, плотоядно посматривая на фуршетный стол, на который официанты выносили и выносили тарелки с тарталетками и подносы с шампанским.

– Ничего нового. Всё как везде, – прошептал маленький кудрявый безработный искусствовед Сёма, принохиваясь.

– Хаос жратвы и быта, – заметил фотограф Сладкий, потирая руки.

– И кто его только раскручивает? Кому это нужно? – удивлялся Сёма.

– И кто только эти фотки купит? Педрин, может быть... Ему для салона интимных причёсок лососина разверстая подошла бы... – переживала профессиональная фуршетчица.

– Я бы такое и даром не повесил. Я и сам так могу – щёлк, щёлк в смазанном режиме, – ворчал фотограф Сладкий.

– Гавно, а не выставка, – сказал правду толстый мохнатый модный художник Ваня Стрижов.

В центр зала вышла хозяйка галереи, высокая увядающая красавица в гламурном костюме, из бывших манекенщиц в отставке, удачно вышедшая замуж за отечественного миллионера. «Искусство Бориса Махальского не нуждается в представлении. Мы все его знаем! Он занимает достойное место

в артпространстве Петербурга. На этот раз он сделал серию фотографий «Образы и подоби́я». И я с радостью предоставляю слово куратору нашего выставочного зала Игорю Колесейчику.

Игорь Колесейчик, тяжёлым вздохом сопроводив поднос с таралетками, переносившийся мимо него на заветный стол, скособочился и забубнил гнусаво в микрофон:

—Этот парень бегло говорит на английском и изучает японский. Опыт повторений его не только исключает, но и изводит из небытия «повторенное». Его фигуры, выглядывающие своими фрагментами среди кухонного быта, в пространство, зарезервированное художником, смогли бы рассказать, с чего всё это начиналось... Любая его работа достойна того, чтобы течь в глаза своим символическим значением, пропуская блики утаённых страстей. Он, взрослый человек, типа как Сезанн...

—О, как достал!— ворчал журналист Саша, сглатывая слюнки.— Не обедал сегодня. Есть хочется!

—Он может трындеть часами, раздувать любую пустоту. За это его и ценят,— заметил Сладкий.— Ну, когда же фуршет?! Пора бы приступать к главному!

Хозяйка галереи, чуя нетерпение толпы, всё плотнее окружавшей фуршетный столик, с трудом завладела микрофоном из рук куратора Колесейчика и на подъёме воскликнула:

—А теперь приступаем к главному! Выставка открыта! А сейчас небольшое угощение... Фуршет!

Слова хозяйки галереи потонули в шуме и гаме, топоте ног, лязге посуды и звонах бокалов.

Фотограф Сладкий, обедаясь тарталетками с лососиной, поймал за пуговицы автора выставки Махальского, тоже с тарелкой в руках, и сказал ему:

–Ты, Махальский, прохиндей, но снимаешь хорошо! Гениально снимаешь! Давай с тобой чокнемся! И обнимемся. Эй, Саша, сними меня с великим прохиндейским гениальным фотографом Бобом! Ой, что это! Ещё и горячее будет?– изумился Сладкий, увидев официантов, выносящих в ресторанных металлических кастрюлях что-то ароматно дымящееся.

Публика ещё больше оживилась.

–Ну, Саша, я думаю, ты хорошо напишешь про эту выставку в своём журнале! Бараньи котлетки в соусе! – трындел фотограф Сладкий, отпустив на волю Махальского.

–Да, я чувствую, что Махальский мне нравится всё больше и больше!– поддакивала профессиональная фуршетчица.

–И мне тоже! – воскликнул модный художник Ваня Стрижов, закусывая котлеткой водку.– Очень вкусно! Неожиданно! Свежо! Талантливо!

–Вы это про выставку?– спросила хитрован Сладкий

–Конечно про неё, про что ещё!

Позвонил по мобильнику Влад, он требовал встречи со мной и говорил о каких-то заработанных деньгах. Я не очень

хотела ему говорить, где я, мне хотелось потусоваться с Педриным и Сладким, но при упоминании о полученной зарплате я раскололась. Вскоре я увидела сквозь стеклянные двери приближающегося Влада. Его синие джинсы и лысую голову было видно издалека. К тому же эта голова совершала радиусные движения при ходьбе, в отличие от прямолинейных пунктиров других голов. Мне захотелось исчезнуть, но не удалось.

Появился Влад, как всегда, навеселе. В рабочем комбине-зоне, с пилой в рюкзаке, с полиэтиленовым мешком, наполненным двадцатью банками пива «Охота». С наушниками на голове и с плеером. Влад вошёл в хрупкое пространство галереи с её евроремонтом, ровными хрупкими стенами из гипсокартона, с полами из тонкой глянцевой плитки, Влад вошёл в пластиковую дверь, пугая охранников, и заорал:

– Народ! Есть идея! Давайте напьемся, а?

Наступила неловкая тишина, кто-то выронил вилку из рук на пол. Я позеленела от злости. Тишину наполняла невнятная глянцевая музыка, прикрывающая чавканье.

– Тогда давайте я вам свою музыку включу! Спасибо скажете! Что вы за хренотень слушаете!

– Это что за фрукт? – спросила у Колесейчика хозяйка галереи. – Надо бы выставить.

– Дружок той рыженькой журналистки...

– Ааа. Тогда не надо.

– А может и надо. Хотя лучше не надо. Пусть продолжает.

Скандалы всегда на руку.

—Давайте ваш диск, я поставлю,— сказал Владу услужливый то ли охранник, то ли телохранитель, то ли любовник красивой галерейщицы.

Раздалась душераздирающая музыка Влада. Фуршетчики сморщились, тарталетки стали застревать во ртах. Стрижов подкрался, вынул Владиков диск и поставил прежнюю музыку. Влад сделал зверскую морду, я сильно заволновалась.

—Народ! Где мой диск? Народ! Кто стырил мою музыку? — гаркнул покачивающийся Влад и наступил ногой на упавшую на пол тарталетку. Он её как-то противно раздавил, как конь копытом, и при каждом шаге стал пачкать покрытой тонкой глянцевой плиткой пол.

Охранник в чёрном костюме и белой рубашке выбежал со шваброй и стал за Владом вытирать следы его ботинок тряпкой. Я малодушно позеленела и стала искать одежду, чтобы от позора убежать незаметно. Влад вдруг включил свою дурацкую циркульную пилу, даже непонятно было, как он так быстро засёк розетку. Потом он выхватил швабру у мужчины в чёрном и перепилил её.

Наступила тишина, потом вопли, потом шум, хохот и гам. Даже аплодисменты раздались. Влад, не ожидаясь последующих действий, бросил нервно на столик 300 рублей за перепиленную швабру и вышел из галереи.

(((((

Владик догнал меня за поворотом, следом за Владиком с хохотом бежали Педрин, журналист Саша, искусствовед Сёма и фотограф Сладкий, любитель скандалов.

—Какой ты всё-таки Владик чудак на букву «м»! Чудацкий пролетарий. Какая там музыка? Ты просто пэтэушник, пошлый такой рабочий парень, который рукастый, ухастый, слухастый, что-то любит, что-то умеет делать сам. Но сил стать творцом у тебя нет, только исполнителем и техником. И это пролетарское, заводское пошлое пьянство! Фи, как всё это неинтересно! Даже Махальский- он лучше тебя! Он хоть что-то делает, фотографирует хреновенько, но вот нашёл вот бабла на раскрутку, проявил гибкость, к кому-то подольстился, денег ему дали!— шипела я на Владика злобно, не обращая внимания на собравшуюся вокруг нас кучку любителей скандалов.

—Отстань от меня с этой темой! Не надо про деньги! Я не могу об этом. Искусство и деньги – вещи несовместные!

—И к тому же ты нетрезв, Владик! Если бы ты этот скандал устроил в трезвом виде, то это называлось бы перформансом, и за это тебе бы хорошо бы платили. Может быть. Где-нибудь. Если б Олесе Туркиной б на глаза попался б в хороший миг.... А так- тупость какая-то, пьяный дебош... Я так мечтаю увидеть тебя трезвым!

—Никогда, сударыня. Не дождётесь! По определению!

—По какому такому определению?

—Мне скуууучно, сударыня! Я не могу треееезвым на этот

мир смотреть!— бормотал Влад.

В такси Влад оживился и хвастался своими 1000 баксов в месяц, из которых я не видела ни одного, навязывал шофёру сумму больше, чем надо. Педрин и Сладкий, между которыми я была зажата, смотрели на меня довольно гадко. Влад остановил такси у своего дома, вышел за дополнительными деньгами. У меня в руках оказался его бумажник с пятисоткой. Педрин и Сладкий сказали мне: «Бери! Он всё равно ничего не помнит. А тебе деньги нужны. Он всё равно всё пропёт».

Потом пили водку в каком-то дворе, на детской горке. Аккуратно разложили на полиэтиленовом мешке сырые сосиски, солёные огурцы, плавленый сыр. Влад повизгивал от удовольствия, что нашёл не только собутыльников, но и себе-седников. Он гадко юлил, громыхал. Когда водка кончилась, он обшарил свои карманы, обнаружил пустой бумажник и вперился в меня своими красными шуруповёртами. «Отдай!». Оказывается, гад, всё заметил, хотя, казалось, мозги у него уже отсохли. Жадный, но справедливый фотограф Сладкий трезво заметил: «Не отдавай. Ты, Влад, алкоголик, а ей деньги нужны. Она мать с двумя детьми. Если сейчас у неё деньги отберёшь, то расстанешься с ней навсегда. Ты потеряешь Женщину! Женщина дороже, чем водка!». Влад как ястреб впился тощими своими недоделанными пальцами в купюру и заорал: «Это оскорбление! Это воровство. Что хочу, то и делаю со своими деньгами! И никто не имеет пра-

во распоряжаться мною. Отдай!». Я скромно отдала деньги, сплюнула через плечо и пошла. За мной фотограф Сладкий. Мы с ним поссали под помойным баком в соседнем дворе, ибо туалетов нигде нет, и поехали по домам.

(((((

На следующий день я увидела, что газета «***» не напечатала мой обзор культуры. Писец, поняла я, моей работе. Я подсидела Сёму, теперь меня выперли точно так же, как его. На что жить? Это были жалкие, но стабильные гроши. Я шла в редакцию с тяжёлым сердцем. Влад плыл мне навстречу по Фурштадтской, совершая головой круги в небе. Красноглазый и жуткий. Мы неминуемо пересеклись. Я закричала на него:

–Пошёл сука на три буквы! Понял! Брысь, пшёл от меня. И я прибавила шаг, стараясь не оборачиваться.

(((((

К вечеру мне стало мерзко. Мерзко от всего. В газете мне сделали ручкой, очевидно, навсегда. Я написала в обзоре про красивых самцов с длинными женскими волосами, танцующими в мужском балете. Редактору, который сам таких самцов любил, видно, не понравился иронический оттенок моей статьи. Хотя я писала без иронии – ну да, самцы с длинными ухоженными волосами танцуют. Ну и что? Но меня не поняли. А может, наоборот поняли. Неполиткорректная я.

Я горько вспоминала, как подсидела Сёму. Сёма мне как-то позвонил и сказал, что у него дизентерия или холера, что он должен был для газеты «***» написать обзор, но не успел, и уже не успеет, так как санитары с носилками уже идут по лестнице, чтобы его забрать в Боткинские бараки. Умиравший Сёма просил меня написать обзор и выслать его редактору. Я сделала, как просил Сёма. Потом мне позвонил редактор и сказал, чтобы все следующие обзоры я писала. Вместо Сёмы. «А как же Сёма? Он же поправился!», – воскликнула я. Редактор с серьгой в ухе сказал мне, что теперь обзоры буду писать для газеты я. Сёма, когда поправился, сказал мне, что презирает меня, и уехал навсегда во Франкфурт. Или в Штутгарт. В-общем, один фрукт, куда он уехал. Нет его с нами больше.

Мерзость приходит стаями. Позвонил Сладкий. Он рассказал, что Влад ему звонил и жаловался, что его оставили на детской площадке пьяного, и что у него украли все деньги и его замечательный, прыгающий по столу и мычащий мобильник-будильник. Особенно тонкая мерзость от того, что Влад оставался с Педриным. Неужели он спёр мобильник и деньги? Я представила, как он обшаривает бездыханное тело Влада без свидетелей... Нет, только не это, это нереально, невозможно... Из-за этого омерзительного плебея Влада я могу потерять дружбу самого великого и прекрасного Педрина, владельца салона интимных причёсок, выдумщика и галантного тусовщика, с которым мне так легко и адекватно

бегать по фуршетам!

При мыслях о Педрине мне вдруг нестерпимо захотелось услышать дурацкий «Шолом» Влада и расспросить о подробностях. Хотелось трахнуть его. Он приучил меня трахаться каждую ночь. Я позвонила ему домой, его не было. Потом ещё пару раз. В два ночи раздался звонок. Влад говорил мне что-то столь мерзкое, что я даже не поняла, что. Это была вонь раздавленного скорпиона, желающего опрыскать перед смертью пятку, которая по нему прошла. Я слушала спокойно, как ледяную песню, эту вонь эгоцентричного жадного одинокого самца. Представляла, как воняет он в своей комнатухе с окнами на Шпалерку, на её бессонные фонари и классическую стену в копоты напротив... Пьяный, обобраный... Я сама была такой же, наверное. Мы ещё раз послали друг друга на три заветные буквы. До пяти утра он звонил раза три, выплёвывая на меня свой горький напалм и стремясь меня уничтожить. Мы раза три ещё друг друга послали всё туда же. На сердце был лёд, я теряла очередного самца.

((((((((

Через два дня раздался звонок в дверь. Это был Влад во всём белом, в индийском каком-то костюме из прозрачного ситца, с дымительной палочкой в руке. Вид у него истрадавшийся.

—Давай помиримся. И никогда, никогда... Я ходил к буддистам в дацан. Вот Свеча Мира,— он протянул мне тощую

дымительную палочку.— Где сырая картошка?

Я не поняла, зачем сырая картошка, но Влад сам уже её разыскал на моей кухне. Воткнул в неё палочку и поджёг её.

— Эта Свеча Мира будет гореть всю ночь, и настанет мир. Буддисты сказали мне, что пьющие бесы покинут меня за два дня, с понедельника я больше не буду пить.

Влад выпивает свою «Охоту», но не до омерзения. У нас с ним опять происходит прекрасный секс.

Однажды ночью, не помню когда, Влад говорит мне: «Я сейчас тебе скажу. Сейчас скажу. Потом никогда уже больше не смогу этого сказать. Я люблю тебя». Он засыпает, и я засыпаю. Я просыпаюсь и не помню, было ли так на самом деле. Радостная мужская сталь пришла к нам...

(((((((

Деньги Влад пропил. Он допился до такого состояния, что секса между нами не было. Секса с трупом не бывает. Ночью он неожиданно встал и пошёл куда-то. Пытался выйти в зеркало в шкафу. Больно стукнулся всем телом, чуть не опрокинув на себя шкаф.

— Гуля, помоги мне,— попросил он.

Я открыла дверь, включила свет в коридоре, довела до совмещённого санузла. Через минуту решила проверить, что он там делает. Влад с наслаждением ссыт в ванную. Потом снимает шланг с душем на конце, тщательно обильно обмывает ванную. Возвращается с трудом, стуча своими костями

об мои стены, падает на наш траходром и мерзко вонюче храпит.

Утром я спрашиваю его: «Ты зачем в ванную нассал?». Он говорит, что даже есть такая поговорка «Только покойник не ссыт в рукомойник», что в пьяном виде джентльмену ни за что не попасть в унитаз, что он берёт пол от мочи. Вместо рукомойника ему была ванная – хороший такой, добротный унитаз с безбрежными краями, куда можно струячить в разные стороны.

(((((

Владик позвонил ночью. «Куда ты делся?»— спросила я его скучным голосом. Владика я не видела полтора года. Он позвонил мне, он был трезв и изыскан, и я поняла, что должна ехать к нему в его комнатку размером с могилу, увеличенную в 24 раза. 24 гроба в эту комнату бы влезло- 4 умножить на 6. Мне было плохо, меня всю комотозило.

До Владика меня перехватил театр, они хотели, чтобы я посмотрела их спектакль. За мной увязалась Нина. Мы смотрели нервный спектакль, где все актёры, даже мужчины, рыдали натуральными слезами. Актёры выкладывались всерьёз, рядом с моим первым рядом стоял актёр лет сорока, и по красному его распухшему лицу текли слёзы. «Ба, да сколько же соли надо ему есть, чтобы восстановить баланс в организме», – думала я. В зале некоторые зрители, очевидно, не имеющие в своей скучной вялой жизни повода порыдаться

власть, делали это вместе с актёрами. На второе отделение я уже не могла остаться, я устала, как если бы была свидетелем коммунальной склоки. Разыгрываемые сцены и персонажи от потоков натуральных слёз мне не стали ближе. Чтобы рас-трогать до глубины души, вовсе не нужно показывать слёзы, голые жопы и кровь. Особенно старалась одна красивая де-вушка-актриса, морда у неё была покрыта нервными пятна-ми, слёзы из неё струячились, как из душа. Злой режиссёр бил по зрителю ниже пояса, он не отказался бы, пожалуй, от публичного кровопускания и совокупления. «Да ведь это не искусство», — плюнула я и пошла к Владу.

Зритель — это такой нежный инструмент, на нём можно так нежно играть, если мастерски нажимать изредка на нуж-ные точные ноты. Совсем не надо бить зрителя сапогами и показывать ему мясо.

Нина увязалась за мной, ей нужно было в другую сторону, но она что-то бормотала про конечную остановку у метро, где не так страшно ночью. Я прекрасно понимала Нину, ей просто хотелось посмотреть на Влада. Посмотреть и стырить чужого самца, вот чего хотелось одинокой, давно не трахав-шейся Нине. Влад стоял в капюшоне, был страшен и прекра-сен. Меня почему то всю трясло, я не видела Влада полтора года. Перед глазами вставали сцены близости с ним, мне хо-телось Влада так, что ноги сводило.

Влад как на пустое место посмотрел на Нину, при виде меня глаза его засверкали. Я попрощалась с Ниной и пошла к

Владу. У меня было предчувствие большого секса, которого я была лишена за какие-то грехи в своей жизни.

Влад включил видик, и мы смотрели с ним какое-то панковское английское ретро – комедию 60-х с названием типа «Смысл жизни».

ПИСЬМА НЕПОНЯТНО КОМУ

Ведь ты знаешь, а самое-то ужасное – это дыры из неразделённых чувств и пустот. Это как бросаешь шарики, и ни один в лунку не попадает. Я люблю не тебя, а те чувства, которые ты мог бы во мне пробудить, и даже пробудил, хотя не воспользовался ими. Я люблю не твоё тело, а тот кайф, который оно доставляло мне, вызывая мечтания о чём-то ещё более совершенном и прекрасном, что могло бы случиться между нами, но не случилось. Я люблю в тебе то, что могло бы произойти с нами, но не произошло или произошло не так. Я гаденький Бланшо, который скользит как Голум вокруг жертвы во тьме, пристально отслеживая каждый её вздох. Я отсекаю реальность, которую хотят со мной построить такие же несчастные мечтатели-страдалыцы, недоделанные строители самих себя. Долгострой длиною в жизнь, жертвы замороженных стройплощадок. Сольнесы.

(((((((

Я была счастлива. Началась какая-то новая жизнь. Мне понравилось, как дрожал Владик. Я как-то ночью его спросила, когда его колотило как электричеством: «Ты чего, допился, да? У тебя как у актёра Лебедева в спектакле «Холстомер», да? Только не руки, а ты весь, да?». Он на меня посмотрел так доверчиво как-то и распахнул глаза: «Это дрожу

так оттого, что хочу тебя».

(((((

Опять исчез. Неделю не звонит. Да и ладно. Скорпионы исчезают на год и на два. В норе им надо отсидеться. Психика у них такая злобная. И вообще мужики живут так, будто рассчитаны на 100 лет. Будто 100 лет у них впереди, и можно исчезать на 2 года, на 3, на 20 лет, потом возвращаться к любимой, которая уже не та слегка. Годы что-то подпорчивают, а что-то улучшают. Мне иногда кажется, что мужики ищут именно того, неснашиваемого и непротухающего, что есть в женщине. И только под давлением внешним делают вид, что любят в женских человеках более всего юное мясо.

Пришёл. Похудел. Щёки впали и стали более корявыми. Мне почему-то очень обаятельными иногда кажутся мужчины с корявыми щеками. Мужчины с гладкой бархатистой кожей отпугивают слащавостью, они всегда кажутся поверхностными, официозными и подлыми.

—Ну и где ты был?

—В дурдоме.

—Как это? — я подпрыгиваю на табуретке. Думаю, что, может, разыгрывает?— А чего так быстро отпустили?

—А там долго не держат. Подержали четыре дня и отпустили.

—А, а как ты туда попал? — робко интересуюсь я, предварительно помолчав и не находя нужных слов и вопросов.

—Я... Ну, тогда ты ушла... А я ... я чуть не утонул.

—Как это?

—Я сам не знаю. Бред какой-то. Я пошёл по Неве. Я хотел искупаться, я искал полынью. Пошёл под мост. Провалился. Мент увидел сверху, они со спасательными кругами ко мне подползли, вытащили. Ничего не помню. Очнулся в больнице.

—Ну, ты даёшь. Это уже даже и не смешно.... То есть, напротив, смешно. Ха-ха-ха, менты ползут с палками и кругами.

—Да, смешно было, говорят. Говорят, что один мент меня жезлом своим в полынье подгонял в нужную сторону, и утопил свой жезл. Ругался, что за казённое имущество попадёт...

—И...И чего ты в дурдоме делал?

—Да ничего. Отдыхал. Развлечение мы там такое придумали. Там же такие есть, как овощи. Дауны настоящие. Мы с мужиком одним, который типа меня с делириумом попал, мы придумали бега устроить, со ставками. Разгоняли овощей по коридору друг на друга. А те доверчивые, послушные, что скажешь, то и делают. Выбирали самых жирных, с брюхами. Мы их направляли по коридору навстречу друг другу, чтоб они бежали. И они бежали, брюхами сталкивались так смешно. Мы ставили ставки, кто упадёт, а кто на ногах удержится. Потом врачи увидели, чем мы занимаемся, и нас выгнали.

—А то, что ты в проруби плавал...

—Я ничего не помню, как в тумане всё было.

—И ты не простудился?

—Нет....

—Ты больше не ходи под мост, ладно?

((((((((

Владик допился до того, что пытался овладеть Мишей Взоркиным! Тот его связал и держал в углу своей комнаты, чтобы он успокоился и стал бы адекватным. Я даже удивилась, что Миша оказался таким сильным... Он держал Владика связанного бельевой верёвкой в углу. Он связал ему руки, ноги, и ноги прикрутил к рукам. Так что Владик мог только колбасой кататься. Но он не стал кататься. Он при-
смирел, потом протрезвел и взмолился. Потом Владик объяснял мне, что какие-то пидералы стали соблазнять его, чтобы он их потрахал, огромный, лысый и красивый. И что они ему дадут за это 1000 баксов. И Владик типа стал мечтать даже, может и вправду это сделать. Но как-то всё же уж очень он натуральный и нормальный. Влад отшутился: «Я это сделаю, только если на втором плане тётка голая будет бегать туда-сюда, и я на неё смотреть всё время буду, А так- неа, не получится, хоть тресни». Вот даже и с жирным, пахнущим девушкой Мишей Взоркиным ничего не вышло... Значит и пробовать нечего...

Я услышала эту историю и стала рассуждать о том, есть

ли в природе такие извращения. Подружка Ру-Ру говорит, что из птиц геи – это лебеди. Знаменитая лебединая песнь – это песнь не мужа лебедя по погибшей жене-лебедихе, а песнь друга пидера лебединого по опочившему другу пидеру лебединому. Поэтому Чайковский написал «Лебединое озеро», и вообще все изысканные геи любят лебедей в пруду. Их шеи как фаллосы. Они плавают – два фаллоса в огромной йони-озере, ибо геи – это маргинальные явления мужской природы, страшно боящиеся женской вагины, боящиеся выйти за рамки вагины-матери, в коей им уютно. Боятся они оплодотворить другие новые вагины, за старую первородную держатся.

А Леда и лебедь- это смелый фаллос, вылезший из материнской вагины внаружу, на лёд Леды, и пронзившей ея- не знаю чем. Чем они совокупляются то- птицы всякие? Кто видел петушиный или голубиный фаллос? Это всё жестокие загадки природы.

Я вот теперь люблю среди мужчин, подозрительных на гейство, заводить разговоры о лебедях. Это такой тест.

((((((((

Во время поста Владик постоянно злобно ругался против православных попов, которые одеваются как пидералы, в рюшечки и стразы, в стиле моды 60-х.. В страстную пятницу он позвонил, с утра возбуждённый и активный, он собирался пойти к порнографу Прянишникову и предложить ему по-

ставить порнофильм, где совокуплялись бы монахи и священники разных конфессий между собой, а также священники и политики. Мне даже как-то плохо стало от его бесовщины, которой он явно одержим. А в субботу я заползла на Бегбедера в Платформу, вместо того, чтобы освятить яйца и кулич. Бегбедер сказал, что все мы проиграли третью мировую войну- войну товаров против людей...

Пасха прошла вообще как-то нехорошо... Самое тягостное впечатление произвёл фильм Мэла Гибсона «Страсти Христовы». Чудовищный блевотный фильм, в котором смакуются телесные страдания. Режиссёр- тайный садомазохист. Я выключила звук, переключала на другие программы – возвращалась – а там опять порка Христа семихвосточкой, кошками, ударами с оттягом и т.д.– смотри научное пособие по садомазохизму, брошюрку «Путь плети». Америкосы настолько отупели, что христианство для них – это сползшая кожа.

В те же дни шёл фильм «Паломничество в вечный город» Николая Хотиненко. Вроде бы очень хороший фильм, но вот женщины- мученицы – это какой-то ужас. Вере было 8 лет, Надежде 10, а Любви 12, когда их зверски пытали палачи за их христианскую веру. Какое ужасное язычество, испытание веры! Приходят маниаки-дядьки-педофилы и мучают прекрасных детей узаконено. Мы-то, дети тоталитаризма, выросли на мученичестве юных пионеров героев, первым из коих был 8-летний Котя Мгебров-Чекан, чьи малень-

кие косточки лежат на Марсовом поле. Эти дети кричали палачам «нет», и диковинный свет детского упрямства горел в них, сводя с ума маниаков-дядек, которые их пристреливали. Есть в человеческой природе безумный пафос, желание умереть за идею. Сейчас таким светом упрямства светятся террористы-самоубийцы, среди которых недавно нашли 13 летнего мальчика из бедной семьи, который согласился надеть пояс шахида за порцию мороженого. А может это всё врёт зомбоящик?

Я в детстве онанировала на Орлёнка. Я вырвала из маминого журнала «Работница» картинку, на которой был нарисован побитый, в ссадинах и крови молодой комсомолец, которого привязали к какой-то горной вершине и собирались прикончить. А он, такой красивый, гордо смотрел вперёд. И рядом шёл текст песни «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца ... та-та- чтобы землю собой уберечь». Ох! Как мне эта песня нравилась и картинка тоже, мне сразу хотелось заниматься онанизмом и тереть мишкиной лапой свою детскую щёлку, при этом гордо с вершины плевать на врагов, подобно Орлу. Было стыдно и сладко. И хотелось быть истерзанной. Когда я смотрела Мела Гибсона, у меня что-то такое неприличное из детства всплывало. И никакого глубинного приближения к вере. В отличие от Хотиненки, который порождал в душе мощное обоснование веры и доверие к вере, несмотря на лёгкий душок садо-мазо, который, кстати, может, был раздут в более поздние века маниаками католи-

ками, которые сжигали еретиков. Понятно, что это Дьявол пролез в щёлку, в самую чистоту, и всё обосрал изнутри. Это его стратегия – сделать подмену, перевёртыш. В фильме Мела Гибсона это есть – вместо ребёнка карлик уродливый на руках у кормящей матери. Но и сам Мел стал жертвой такой подмены, увлёкшись кровавым шкуродрательством.

Но самый лучший фильм о Христе- это Пазолини, «Евангелие по Матфею», который удалось посмотреть в начале поста в Доме кино. Со мной этот фильм смотрели наши левые интеллектуалы, потом мы пошли выпить водки, выяснилось, что они потрясены, хотя неверующие. Меня изумило, что эти тонкие интеллектуалы подвержены дешёвой плесени атеизма. Для них религия- это «опиум для народа». И увидев «историю о Христе» они впали в ступор. «История» то трогательная, вроде на «опиум» то и не похожа.... А я задумалась, что вот там слишком большое увлечение мужской красотой, образы женщин в фильме- только женщина-мать, но не женщина жена, любовница, возлюбленная.. Европейская пугливість. Порыв вверх, в сферу духа, и искажённый страх плотского...

Во время самой пасхи, ночью, когда огненный язычок новой жизни вспыхивал в церкви, и священники и прихожане кричали радостно «Христос воскрес», меня сморил глубокий сон на домашнем диване, а на следующий день я бродила бессмысленно, как потерянная, дела не делались, и было неприятное ощущение, что меня опутал змей земной, и я не

летаю на поверхности земли ногами, а тяжело бессмысленно брожу. Проворонила пасху. Такая бездуховная я вся...

(((((

По ночам мне повадился звонить астроном Пайков. Говорит часами какую-то хрень на эротические темы.

– Любишь ли ты Мандельштама? Ну, помнишь: «Вернись в смесительное лоно, откуда, Лия ты пришла, за то, что солнцу Илиона ты жёлтый сумрак предпочла!».

– Нет, не помню. Может это не Мандельштам всё же? – я вяло отвечаю Пайкову.

– Мандельштам! Мандельштам. Великолепные стихи! Фамилия у поэта эротическая, не находишь? – Пайков наконец перешёл от монолога к попытке диалога.

– Фамилия как фамилия...

– А Пастернака помнишь: «Сплетенье рук и ног сплетенье»?

– «Свеча горела на столе, свеча горела»? Да это все помнят. Оскомину, знаешь, набило.

– Набить не могло. «Сцепление ног» – как это хорошо! Знаешь, я тут маленькое исследование провёл, социологический опрос среди питерской интеллигенции, среди выпускников физфака и матмеха.

– О чём исследование?

– Я расспрашивал, у кого какого размера фаллос. Фаллосометрией занимался. Выяснилось, что средняя величина-

18 сантиметров. Немного, я скажу! Вот у меня – я замерил- в надроченном состоянии фаллос 20 сантиметров.

–Бывает, говорят, и 23!

–Ну, скажешь тоже, 23! 23... Да, мне сказал адвокат Ухов, что у него 23, но кто ж поверит адвокату! В среднем у интеллигенции колеблется от 16 до 20, самое распространённое- 18 сантиметров! А у меня 20!!! Это превышает среднюю арифметическую величину!

–Да что ты говоришь! Но у Ухова-то 23!

–По-моему, у него барахлит рулетка! Хотя, когда я ему позвонил, он живо заинтересовался этой темой! Он тут же вызвался провести обмер и рассказать мне о результатах.

–А где тут чистота эксперимента? Может он не в эрегированном виде намерял 23 сантиметра?

–Такого решительно не бывает. Тогда это уже книга рекордов Гиннеса!

–Слушай, ты меня достал этой темой! Давай сменим пластинку!

–А чем тебе тема не нравится? Отличная тема! Можно изучать проблему торможения пионеров, ну знаешь, спутники такие НАСА послала 20 лет назад в космос, а можно заняться фаллосометрией, считай, что это моё хобби! Кстати, у меня такой стояк сейчас, я так возбуждился! Давай я сейчас к тебе приеду! 4 утра? Ну, тачку закажу по телефону и приеду!

–Пайков, ты меня достал. Давай лучше о пионерах! Как там они тормозятся? С чего они тормозятся?

—С чего, чего! Об этом 10 000 астрономов думают по ночам. И понять не могут. Я думаю, всё дело в переходе от фрактала к фракталу. А я вот ночью предпочитаю о другом думать. Во, у меня линейка в руках! 21 сантиметр! Странно... Это от разговора с тобой на сантиметр увеличение произошло.

Он мне так надоел. Я ему говорю: «Ты не туда звонишь, звони в платную службу «Секс по телефону»». Он не понимает, что-то скучное несёт и несёт про свою озабоченность, до которой мне нет дела. Однажды надоел мне, я говорю: «Бери тачку и приезжай!». Я знаю, что не приедет. Что трус и пустобрёх, что из породы тех мужчин, которые «сказал, будто сделал». Что он все радости жизни получает через язык свой. Говорит, говорит, строит словеса, и будто и взаправду было. Мне часто кажется, что у нас много таких мужчин, очень много, что у нас вся страна такая, во главе с головой. Что это от коммунистов пошло, от европейского рационализма. Описали, напроектировали, и удовлетворение получили, что так хорошо всё расписано на бумажке и в словесных формулах и призывах. А на деле всё по-другому.

Чтобы понять, что на деле происходит, надо не только язык иметь, орган свой эрегированный, но и уши надо уметь развешивать. Слушать обратную связь, глазами смотреть, что вышло, руками ощупывать, что вышло. Пайков как свинка визжит и визжит о своём болте, о своей эрекции необычайной. Я кладу трубку в подушку и ей подмигиваю. Пока-

зываю ей язык и корчу морды. Однажды мы с Владом развлекались у меня на диване, ласкали друг друга нежно-нежно, хорошая нежная ночь была, по ночному телевизору шёл хороший фильм из эпохи «диско», где бабы в штанах-бананах бегают, рядом на подушке лежала телефонная трубка, и ничего не видящий и ничего не слышащий Пайков самозабвенно что-то долго-долго говорил о своей эрекции. Когда ему прямым текстом говоришь: «Я не одна!», то он отвечает типа «а кому ты там нужна кроме меня, не верю, врёшь ты всё» и т.д. Даже если попросить Влада что-нибудь в трубку мужеским басом произнести типа: «Что вы там на том конце трубки, совсем рехнулись, что ли?», всё равно сумасшедший Пайков не поверит. Это удивительная порода мужиков! Однажды он вдруг подло так сказал: «Вам двоим там скучно, я третьим сейчас приеду». Совсем рехнулся, развратный пустобрёх. На фоне ничего не чующего грубого в своём потоке слов Пайкова Влад выглядит благородным сдержанным интеллигентом. Он бы никогда не стал бы обсуждать «фаллосометрию».

Одни уходят от реальности, сильно напиваясь или накачиваясь дурью и наркотой, другие типа Пайкова самозабвенно и самовлюблённо рисуют мир своим языком, создавая вокруг себя мир по своему образу и подобию, лживый уютненький такой и угодный себе мир. Никто, никто не хочет смотреть правде в глаза. Мало кто хочет работать с реальной реальностью.

Но что делать, Пайков – он астроном, работа у него такая, с вещами, которые умозрительны и имеют доказательства своего существования через опосредованные вещи...

(((((

Где-то там, на другом краю земли, сбрендила старушка. Она звонит каждое утро по многу раз. Задаёт всё время разные вопросы. «Это райсовет? Простите, не туда попала». «Это поликлиника? Простите, не туда попала!». «Это Лидия Петровна? Простите, не туда попала!». «Это Фёдор Иванович? Нет? А что-то вроде как голос похож... Ну, извините...». Фантазия старушки неистощима, порой она звонит по пять раз в разные места с утра, и всегда попадает на наш телефон. Я ей угрюмо отвечаю, чтобы она точнее набирала номер, что она уже сюда пять раз позвонила с утра. Всё по фиг. У этой старушки в мозгах произошёл железный сбой. Ей просто очень-очень скучно. Ей надо хоть какой-то человеческий голос услышать. Пойти в кафе посидеть, на людей посмотреть, себя показать, с людьми поговорить, понимаешь, пивка попить или там чашечку кофею- нет, она не приучена, не научилась она цивилизованной городской жизни в цементной келье. Да и денег на всякие передвижения, может, нет у неё.

У меня Владик на диване нежится. Старушка мадам Ку-Ку позвонила уже раза три. Владик злится: «Блин, кто там совокуплению препятствует?». Опять звонок. Влад хватается

трубку. Там старушка Ку-Ку задаёт свой очередной вопрос: «Простите, это зубной врач? Это клиника зубная?». Владик отвечает ей: «Старая перешница! Зачем тебе зубной врач, а? Тебе метла нужна, чтобы на ней летать на слёт старых ведьм! На Лысую гору, наперегонки на швабрах! Реально я тебе советую, берёшь метлу, садишься и летишь с песнями!». Я с неким трепетом думаю, как вот так вот он старушенции нахамил, больному старому человеку, можно сказать, не чтя его маразмических седин! Хотя, бля, достала до ужаса, уже месяц звонит. Но неожиданно старушка очень обрадовалась и ожила. Я слышу в трубке счастливый смех. «Ха-ха-ха-ха! Мне, на метле полетать! Ой, как здорово вы говорите, молодой человек! Вместе с другими старушками на мётлах на перегонки, да? Ха-ха-ха-ха-ха! Как вы так хорошо сказали!». «Да-да, именно на мётлах, ночью, в голом виде!». Уже и Владик хихикает. И старушка хихикает. Больше старушка не звонила. Может, реально улетела туда, куда её послали, голая, на метле, со стаей таких же обезумевших, одичалых, проживших рабскую жизнь старушек.

((((((((

Звонит художница Наташа и приглашает посетить выставку «Белка и стрелка». Мы с ней встречаемся на Сенной (в Сенной слышится скорее река Сена, нежели некое сено, которое уже все забыли, как выглядит). Мы поднимаемся на восьмой этаж старого, слегка вроде как трепещущего до-

ма. Если громко чихнуть или пёрнуть- развалится, бедолага, 1856 года постройки.

Там, у чердака собралась тёплая компания. Над ними тарелка – на тарелке написано мелко «Стрелка и Белка». Куратор объясняет, что мастерские у художников отнимают, и теперь они будут делать выставки на чердаках, в подвалах и где придётся. Молниеносные такие выставки- на пару часов или на сутки. «А название у выставки такое...»– «Потому что как подопытные собачки в космосе, которые то ли были, то ли нет, то ли летали, а то ли нет». В Москве сделали огромный артцентр в старых производственных зданиях, назвали «Артстрелка». Это огромная стрела такая, где много этажей, галерей, художников и покупателей с пушистыми от денег кошельками. А у нас маленькая такая, крошечная «стрелка» на 10 человек.

Подходит куратор Маня из галереи «Сельская жизнь». Она обожает белок и собирает их коллекцию. Белки- очень редкие игрушки, а американцы их просто ненавидят, считают чем то вроде высоко прыгающих крыс. В руках у Мани журнал «Сельская жизнь» с картинками, вручную сделанными художниками. Журнал посвящён животным, белка, понятно, на одной из первых страниц. В конце журнала- сказка про Солитэра, бившегося насмерть с Бычьим цепнем. Хороший журнал.

(((((((

3 часа ночи. Мне звонит Влад. Он должен был собрать свои вещи с тем, чтобы с утра уехать на Страусиную ферму к другу – заработать немного денег. Мы с Владом мурлычем что-то друг другу, я говорю ему, что тоже хочу на Страусиную ферму. Он говорит мне: «Ты что! Тебе туда не надо!». Я говорю: «Страусы – такие милые, то ли кони, то птицы, а, может динозавры – яички несут...». Он говорит мне: «Нет! Страусы это ужасные, жестокие звери. Прошлый раз они меня чуть жизни не лишили!». «Что, больно лягались ногами, как лошади, если к ним сзади подойти?». «Нет. Хуже. Страусы – это такие очень тупые примитивные животные с маленькими неповоротливыми мозгами. Они привыкли бить всех, кто ниже их ростом. Вот я, высокого роста, но ниже любого из страусов. Когда я входил в вольер, мне нужно было держать постоянно над головой поднятую швабру. За это они меня уважали, их глупый ум думал, что швабра – это моя шея с лохматой ссохшейся головой. И тогда они меня не трогали. Стоило мне швабру опустить, они тут же погнались за мной!». «Ха-ха-ха!». «Не ха-ха-ха, а ужас! Ужас!» . «Почему?». «Да потому, что когда они догоняют, они не просто бьют своей лошадиной ногой. К этой их лошадиной ноге прикреплены ещё ужасные огромные когти, которыми страусы манипулируют по желанию. Они наносят удар по рёбрам с выпрямленными когтями, а вонзив, когти сжимают. Они хотят вырвать из человека рёбра, желательно с мясом! Ужасные твари!». «Не верю! Это к тебе белочка пришла.

Ты слишком много выпил пива «Охота». Твоё пиво «Охота» страшнее страусов. Оно вынимает из человека мозги!».

Ну вот, опять поругались.

((((((((

6 утра. Опять звонит встревоженный Владик. «Ужас! Ужас! Вчера вечером я познакомился с какими-то хмырями. Они попросили передать какую-то сумку, они со мной забили стрелку!». «Ну и что?». «Я заглянул вдруг сейчас в эту сумку. Там...». «Бомба!», – догадываюсь я. «А откуда ты узнала?». «Ха-ха-ха!». «Там действительно взрывчатка. 10 кг!». «Иди к страусам!». «Ага, ты думаешь, что у меня белочка! Нет! Боже! Боже! Зачем мне это! Подонки! Они захотели моей смерти!». «Бееелочка! Бееелочка! Бееелочка пушистая, белочка хвостатая», – пою я, подозревая, что у меня тоже белочка началась в голове. «Не веришь?», – грустно говорит Влад абсолютно трезвым голосом. «Тут и часовой механизм. Тик-так. Взрыв произойдёт в 7.15. Во, сейчас к трубке подставлю. Слышишь, слышишь: «Тик-так!».

Я реально слышу тик-так, от страха сон спадает с меня.

– Что делать, что делать? Гады! Четыре проводка!

Мне становится страшно.

–Слушай, ты не бредишь?

–Какой тут бред. Приезжай с фотоаппаратом!

–Неси енто, что мужички тебе подсунули, в милицию!

–Ага? Чтобы меня приняли за террориста? Я войду, а они

подадут радиосигнал. 10 кг- этого хватит, чтобы разнести отделение милиции....

—Этого хватит, чтобы разнести весь ваш древний дом. Ваш дом и так такой дряхлый – чихни- развалится! Я всё поняла – это они хотят взорвать ваш дом, чтобы потом на его месте построить что-нибудь. Они не хотят тратить деньги на расселение ваших коммуналок! Хитрые какие! Вот они и придумали, сунули тебе сумку со взрывчаткой. Действительно, могут радиосигнал подать, и ваш дом взорвать к чертям собачьим. Скажут – теракт. А на самом деле уничтожат людей, которых пришлось бы расселять. Сэкономят кучу бабла и дёшево поимеют кусок дорогой земли в самом центре города. Гады! Как я их ненавижу! Ненавижу их жадность и деньги! Ну вот, взорвут они вашу чудную квартирку с вашими чудными милыми людьми, а заселят этот пятачок земли проклятыми богом и чёртом двуногими существами без души, которые прокляты будут априори до 7 колена, и которым никакие деньги их грязные счастья не дадут. Ненавижу этих ублюдков! – говорю, а сама ловлю себя на том, что это всё же белочка!

—Я гений! Взрывчатку надо бросить в реку!

—Так беги быстрее, быстрее, ты слышишь, я не хочу, чтобы ты взорвался! Беги быстрее!

Владик убегает.

6.30. Звонит.

—Так. Запомни. Если что. С среднего пролёта моста. Оно

лежит на дне.

– Не взорвётся?

– Да ты что, там этой взрывчатки, бомб всяких- навалом. На 10 кг больше, на 10 кг меньше.

– Нептун не обидится.

– Так, а теперь они меня убьют. Я приду на стрелку, сделаю вид, что сумку потерял. Но такое не прощается. Я труп!

– Не надо! Не надо труп! Нет, всё же это белка. Пушистая белка. Ты слишком много выпил пива! В к тому же – зачем тебе на стрелку то идти, а? Не ходи, уезжай к страусам!

– Не веришь? Что ж, мне надоела жизнь. Мне скучно. Пусть отстреливают!

– Прекрати! К тому же – а как быть с тем, чтоб быть в ответе за того, кого приручил! Типа белку, прикормленную орешками.

– Ты на что намекаешь?

– На то самое. Так, быстро уезжай к страусам! Немедленно!

– Они и там меня найдут!

– Ну, прямо-таки найдут. Если найдут, прячясь за страусов. Страусы будут бить террористов когтями в рёбра. И вырывать их с мясом. Чтоб неповадно было. Вот так, вот так!

– Прекрати издеваться! Не смешно, а страшно. Кстати... Кстати, мой друг занимается тем, что мумифицирует головы погибших страусов. Высушивает их в песке и хранит на полке

—Это белка!

—У него их 40 штук. Представляешь, на полке 40 маленьких таких сушёных безглазых носатых голов...

—Это беллкааа!!!

—О, уже 7.00. У меня стрелка.

—С бандитами?

—Нет, с человеком, который меня к страусам свезёт.

—А, со страусятниками?! Всё же это белка!

—Пока! В страшном мире мы живём. Помни про средний пролёт моста!.

Я закрываю глаза и вижу Белку, бьющуюся насмерть с Бычьим цепнем. У обоих ссохшиеся головы. Под подушкой у меня лежит «Сельская жизнь», зазывно маня на природу. Сука Владик. Я тоже хочу к страусам, как я хочу к страусам.

((((((((

«Владик! Кончай пить! Пьянство тебя не украшает. Ты такооой страаашный становишься! Роба у тебя становится алой, алым цветом горят уши и нос, глаза красные, и кофта у тебя красная. Только рогов и копыт не хватает. Хотя копыта у тебя есть. Ты ж свои кроссовки называешь копытниками. Ха-ха-ха. Хи-хи-хи. А вообще не смешно. И голос у тебя становится такой противный. Будто кто-то изнутри зажал тебе нос и говорит из тебя не твоим голосом. Так то голос у тебя красивый, мужской такой мелодичный голос как у Фреди Меркури. Зря ты Владик трус поганый, и закопал

свои таланты в землю. Зря ты Владик не поёшь. У тебя бы получилось как у «Спарков». А когда ты пьян, какой-то бабий голос из тебя говорит какую-то мерзкую чушь. Как чревовещание. Это гадко, Владик. Зачем ты даёшь своё тело, чтоб чрез него какие-то бабско-адские духи какую-то пролетарскую чушь несли!». «Да нет проблем!», – говорит Владик. – Я в один миг могу бросить пить. Всё под контролем. Захочу – и брошу за один день!». «Ну-ну, Владик...».

((((((((

Влад опять исчез. Появился красивый, свежий, загорелый, ох какой весь красивый, щетинка на бритом черепе бархатная, нос арийский, тело как у розового лосося.

–Ты где был?

–Я чуть не умер!

–Здорово как ты чуть не умер! Посвежел, однако!

–Мне Медный Всадник явился!

–Зашибись! Врёшь, поди. Как это он так тебе явился?

–Как-как... Обычно так. В двери прямо конь входит, на нём человек сидит, бронзовые, тяжёлые, пол аж скрипит и прогибается под ними.

–А змея за Медным всадником не заползала? На копытах он её не приволок?– я ёрничаю и похохатываю, хотя это ведь не смешно.

–Нет, змеи не было.

–Нет, нет, Влад, ты вспомни, там, наверное, зелёная змея

была по имени Делириум?— я ржу и вспоминаю одного художника, который хотел поставить спектакль «Бой Медного Всадника со змеёй». Он даже нарисовал картинку- такой длинный тощий змей, похожий на бычьего цепня, летает по небу, и Медный Всадник пытается от него отмахнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.